

Наталья Винокурова

ТАНЦЕВАТЬ ПОД ДОЖДЁМ

сказка для взрослых

18+

остросюжетный любовный роман / психология

Наталья Винокурова

**Танцевать под дождём.
Сказка для взрослых**

«Издательские решения»

Винокурова Н. Е.

Танцевать под дождём. Сказка для взрослых / Н. Е. Винокурова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743628-5

Рутинная жизнь легкомысленной студентки Ани переворачивается вверх дном, когда она встречает таинственного англичанина Дориана. О чём умалчивает этот элегантный, умный, обеспеченный мужчина, и куда исчезают его пассии? Почему врачи ставят на нём крест, а полиция сбивается со следа? Отношения с ним — опасная штука, но Аня настроена решительно. Она верит, что только любовь способна вылечить его израненный, полный безумия внутренний мир.

ISBN 978-5-44-743628-5

© Винокурова Н. Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Девиантное поведение	8
Глава 2. Бесконечно идеальный мужчина	14
Глава 3. Я готов поставить диагноз	22
Глава 4. Шах и мат	29
Глава 5. Королевское хладнокровие	36
Глава 6. Дьявол в глубинах его души	43
Глава 7. Я иду в красную комнату	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Танцевать под дождём

Сказка для взрослых

Наталья Евгеньевна Винокурова

Эта книга с благодарностью посвящена моим друзьям и близким. Ваша поддержка и вера помогли мне не только начать её, но и закончить. :) Я вас люблю!

Отдельно хочу поблагодарить своих коллег: психологов, психотерапевтов, педагогов. Берегите себя, поддерживайте друг друга и светите вечно. Миру очень важно и нужно то, что вы делаете! «Тысячи свечей можно зажечь от одной единственной свечи, и жизнь её не станет короче. Света не становится меньше, когда им делишься». (Сиддхартха Гаутама)

Благодарю также своих недоброжелателей и людей, намеренно или случайно причинивших мне боль. Без вас не было бы тех чистых, добрых, предельно искренних слов, изливающихся на бумагу в моменты крайнего отчаяния.

Желаю Вам приятного чтения.

Редактор Алёна Петровна Мартиросян
Редактор Артемий Александрович Савин
Иллюстратор Вероника Юрьевна Рудакова
Дизайнер обложки Вероника Юрьевна Рудакова

© Наталья Евгеньевна Винокурова, 2024
© Вероника Юрьевна Рудакова, иллюстрации, 2024
© Вероника Юрьевна Рудакова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4474-3628-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Внимание!

Данная книга является художественным произведением и не предназначена для установления медицинского диагноза. Точный диагноз может определить только квалифицированный врач и исключительно на личном приёме, так что не торопитесь делать какие-либо выводы о себе или своих близких.

А главное, помните, книга – хоть она и основана на реальных событиях – в первую очередь всё же «сказка». В реальности финал мог бы оказаться гораздо печальнее. Будьте осторожны!

Пролог

Жизнь – не в том, чтобы ждать, пока закончится гроза. Она в том, чтобы научиться танцевать под дождём.

Вивиан Грин

Меня зовут Анна, и, вот уже тринадцатый год, я работаю в частной клинике врачом-психотерапевтом. Я люблю свою работу, хотя со стороны это может показаться странным. Кажется бы, как здравомыслящему человеку может нравиться решение чужих проблем, когда их и в собственной жизни, как у любого из нас, предостаточно. А ведь проблемы эти, плюс ко всему, часто бывают нележки: стресс, невроз, фобии, тревожные и навязчивые состояния, комплексы, депрессия – это всего лишь некоторое из того, с чем мне ежедневно приходится иметь дело. Но именно мнимая трудность лечения как раз меня и привлекает. На самом деле тут всё просто как дважды два, нужно только подметить одну-единственную закономерность.

Это открытие я сделала ещё на первом году своей карьеры и была шокирована неожиданным фактом: почти все люди, страдающие теми или иными душевными расстройствами, несчастны в личной жизни. Они либо не замужем, либо замужем, но по расчету, либо не испытывают чувства любви к своему супругу, либо переживают постоянные ссоры в семье. Недовольство в интимных отношениях, поначалу незаметное, год за годом разрастается, пока не достигнет гигантских размеров и не поглотит все остальные сферы жизни, подмяв их под себя. И тогда вылезают, например, какие-нибудь странные замысловатые пристрастия или фобии, которые можно, конечно, нудно и долго подвергать психоанализу, но гораздо проще – помочь клиенту наладить близкие отношения, а всё остальное уйдёт само собой.

«Расскажите о вашей семье», – с этих слов я обычно начинаю экскурсию к реальным причинам имеющихся трудностей. И дальше, минута за минутой, глубже и глубже, мы погружаемся в мир, где всё плохо, чтобы найти там дверь в место, где всё хорошо, и открыть её.

Но просто отворить дверь, как и всегда, бывает мало. На пути к счастливой личной жизни мы ликвидируем сотни конфликтов, тонны непонимания, кубометры лени, километры эгоизма, литры прошлого негативного опыта – то лишнее, что мешает идти вперёд к своим целям. И это ещё не всё: когда дорога расчищена, нужно мотивировать человека сдвинуться с места и пойти вперёд, убедить, что выход из зоны комфорта, хоть он и представляется пугающим, является единственной возможностью достичь желаемых изменений. Как раз это, пожалуй, самое сложное. Немногие в итоге решаются полностью перекроить себя, шив из лоскутков новую, счастливую и успешную личность. Большинство так и остаются на этом этапе и вместо действий предпочитают продолжать разговоры. Высказавшись, внимательно выслушав меня и получив соответствующую их проблеме терапию, они, вместо того, чтобы начать работать над собой, задают ряд ненужных и бесполезных вопросов. И знаете, какой самый распространённый вопрос моих пациентов? Этот вопрос не теряет с годами своей актуальности, он тяжёлый как гиря, и именно им очередная клиентка, вместо благодарности, часто пытается меня придавить, тем самым получив реванш в споре:

– А вот вы сами-то замужем?

– Замужем, – отвечаю я терпеливо. И дальше несётся вереница дополнительных вопросов:

– А ваш муж кто? Сколько ему лет? Он внимательный? Не пьёт? Много зарабатывает?

– Он самый замечательный человек из тех, которых я когда-либо встречала.

– Тогда как вы можете судить, если сами не были на моём месте? Если вы сами не пережили это, не съели пуд соли, как вы можете что-то советовать?..

Бывают клиентки и полюбозпытнее, они заранее узнают факты моей биографии и, при первом удобном случае, напоминают мне:

– Конечно, Анна, вам легко говорить. У вас муж воспитанный, красивый, иностранец и бизнесмен – вы ни в чём не нуждаетесь. А вот я просто не смогла быть, как вы, в нужное время в нужном месте.

Поначалу я просто отмалчивалась, стараясь затрагивать как можно меньше подробностей своей личной жизни, но тяжесть невыговоренных эмоций с каждым днём всё сильнее давила на меня изнутри. В один прекрасный момент я взяла ручку, тетрадь, и начала писать рассказ о себе, который, впрочем, я не собиралась никому показывать. Помните, это один из классических приёмов в психотерапии – обычно его советуют использовать в том случае, если невозможно высказать что-то напрямую.

На самом деле, в отношениях с моим супругом я съела не то чтобы пуд соли – я выпила и заплакала всю соль морей и океанов. Я пережила то, на что вряд ли хватило бы отваги хотя бы у одной моей пациентки, окажись она в подобной ситуации. Попав на моё место, каждая из них непременно отрёклась бы, убежала, сдалась. А если не сдалась бы, то не факт что она вообще осталась бы в живых, и я не преувеличиваю. Мой супруг был для меня самым сложным профессиональным уроком, самой трудной и опасной психотерапевтической практикой. Зато теперь я точно могу сказать: глубины тёмных болот человеческого подсознания меня нисколько не пугают. Я знаю, что из любого, казалось бы, непоправимого, мрачного, давящего состояния можно найти выход.

Глава 1. Девиантное поведение

На дворе стоял март – время капели, влюблённых парочек и очумевших от нарастающего тепла кошек. Повсюду в воздухе витала весна, она управляла настроением людей, делая из угрюмых чёрно-серых прохожих радостных и разодетых в яркие тона. И только у студентов-медиков шестого курса ничего не менялось: ни настроение, ни форма одежды. Настроение, более того, даже ухудшалось, ведь близился час расплаты – госэкзамены и защита дипломной работы. Не могу сказать, что я училась старательно, скорее даже наоборот: поступив на первый курс лечебного факультета с непоколебимым желанием служить людям, за пять с половиной лет трудностей и лишений я постепенно потеряла свой энтузиазм и скатилась до проблемной студентки. К четвёртому году обучения, когда пора было определяться с дальнейшей специализацией, я впала в депрессию. На тот момент я была сыта практиками во всевозможных отделениях больницы: меня тошнило от вида любого из человеческих органов и частей тела, и одна мысль о том, что я буду наблюдать эти картины изо дня в день до самой пенсии, вгоняли меня в ужас. Тогда я не придумала ничего лучше, чем выбрать кафедру психиатрии. Меня подкупило то, что душа, являющаяся в данном случае объектом терапии – вещь нефизическая, эфемерная, её нельзя узреть глазами даже на вскрытии. А в практике врача, как я отметила для себя, «чем меньше видишь, тем крепче спишь».

Но спасение оказалось мнимым: стоило мне посмотреть на брызжущих слюной алкоголиков и сведённых в ломке наркоманов, я окончательно приуныла. Я стала частенько пропускать занятия, накопила студенческих долгов, а в этом году даже умудрилась со скандалом поссориться с преподавательницей. Ситуация усугублялась тем, что именно она была моим научным руководителем, и, конечно же, не могла не использовать своё положение для мести. Благодаря ей моя выпускная квалификационная работа до сегодняшнего дня оставалась метафизическим объектом, несуществующим в реальности, а время, отведённое на подготовку к защите, уже поджимало и наступало на пятки.

Но сегодня всё поменялось, причём это произошло так внезапно и неожиданно для меня, что я несколько раз себя ущипнула, идя по длинным коридорам в родную университетскую столовую.

– Мишка, привет! – я с радостью обнаружила там своего одноклассника и друга в одном лице, доедающего салат. – Мне срочно нужно с кем-то поговорить! Кажется, я схожу с ума.

– Устраивайся поудобнее, – Миша Архангельский приветствовал меня профессиональным клише. – И рассказывай, что случилось.

– Представляешь, Лаврова сегодня меня остановила у деканата и вызвала к себе. Говорит, у меня к тебе серьёзный разговор по поводу твоей дипломной работы.

– Как можно серьёзно говорить о том, чего не существует в природе, – хихикнул Миша, придвигая к себе тарелку с супом. – Ничего что я ем?

Окинув взглядом его худосочную фигуру, нависшую над столиком, заставленным едой, я удивилась сразу двум вещам: во-первых, как ему удаётся столько есть и при этом ни чуточки не толстеть, а во-вторых – как чисто физически в него влезает вся эта пища. Но разговор наш обещал быть длинным, а столешница, ломящаяся от яств, являлась для меня своеобразной гарантией того, что товарищ в ближайшие как минимум полчаса никуда не убежит – поэтому я, разумеется, не возражала.

– Нет, конечно, приятного аппетита. Ты главное слушай дальше! Зашла я к ней в аудиторию, трясёт всю. Думаю, сейчас опять начнутся эти: «Галкина! Почему до сих пор ничего не готово?!», «Птенчик, я тебя и на шестом курсе отчислю, глазом не моргну!»... А она выкладывает передо мной на стол какую-то папку и говорит: «Я твою работу проверила, всё

в порядке. Речь для защиты тоже посмотрела, ничего править не надо. Забирай, готовься, учи». Оставляет всё это на парте и молча выходит.

С этими словами я шлёпнула на свободный краешек стола кипу прошитых листов, исписанных высоконаучным языком. Коллега с растущим интересом в глазах отставил подальше тарелку котлет и, промакнув пальцы салфеткой, притянул к себе диплом:

– А кто автор этого великолепия? – поправив очки в толстой чёрной оправе, он медленно листал страницы с выражением крайнего одобрения на лице.

– Понятия не имею! Может это какая-то ошибка?.. Но тут моя фамилия, и титульный лист оформлен как положено. Мистика какая-то...

– На мистику в нашем деле сослаться нельзя, – деловито оборвал меня Миша. – Давай-ка вспомним, когда и кому ты могла рассказывать о том, что у тебя проблемы с Лавровой и ты никак не можешь приступить к своей научной работе?

– Практически никому.

– Ты, наверное, хотела сказать «теоретически никому». А практически? – пытал меня Миша.

– Ладно, доктор, есть у меня одна догадка. Сейчас я вам всё расскажу...

Дело в том, что ещё месяц назад совершенно случайно по дороге домой я познакомилась с мужчиной: высокий брюнет, широкоплечий, подтянутый, воспитанный – он обратился ко мне у метро и попросил о помощи, уверяя, что отнимет у меня не больше пяти минут. До этого, обычно, ко мне на улице приставали только алкоголики, бомжи и религиозные фанатики, но типаж моего нового знакомого сразу отнёс все сомнения. Я поняла, что на сей раз меня не будут агитировать присоединиться к какой-нибудь секте и не потребуют мелочь на опохмел. Молодой человек, одетый в строгий чёрный костюм с галстуком, благоухал дорогим парфюмом, его белая рубашка была идеально выглажена, волосы аккуратно уложены, а обувь – до блеска начищена. Мягкие черты гладковыбритого лица с ходу располагали к себе, эффект окончательно подкрепляли тёплые карие глаза, изливающие в мир доброту и тотальное спокойствие. Подумав, что у него могло случиться что-то серьёзное, требующее оказания первой медицинской помощи, я великодушно согласилась. К моему удивлению, после этих слов он провёл меня в цветочный магазин, рядом с которым мы стояли, и сказал озадачено:

– Понимаете... как вас зовут?

– Анна.

– Понимаете, Анна. Я хотел бы приобрести букет для человека, который мне очень нравится, но совсем не знаю, что выбрать, чтобы угодить. Может, вы мне что-то посоветуете?

– Как я могу советовать в такой ситуации. Все люди разные, вкусы разные. Вам лучше как-то завуалированно спросить об этом ту, кому собираетесь подарить эти цветы.

– Это замечательный совет, я тоже так поступил бы, – мягко ответил он. – А вот вам нравятся розы?

– Розы да, нравятся.

– А какого цвета?

– Ну, только не белые и не чайные. Ярко-розовые тоже так себе. Вот эти, алые, очень даже красивые и тем более самые свежие, – из вежливости ответила я, понимая, что иначе он от меня не отцепится. – Думаю, вашей девушке они понравятся.

– Знаете, наши с вами вкусы тут совпадают. Мне тоже именно эти сразу приглянулись. А упаковку вы какую порекомендовали бы?

– Упаковку лично я вообще не люблю. Мне кажется, что розы красивы сами по себе, без обёрток. Или, в крайнем случае, в коричневую бумагу завернуть. Сейчас это модно.

– А у вас есть коричневая бумага? – он обратился к продавщице. – Отлично. Заверните мне эти, алые. Сколько штук? Да все и заверните, сколько есть, нечётное количество.

Глядя, как пластиковая карта чиркает по кассе, я поймала себя на несмелом чувстве зависти к этой девушке, которая сегодня получит в подарок такой шикарный букет. Моя эмоция была вполне оправданна: на протяжении последних, только вдумайтесь, четырёх лет мне не подарили ни единого цветочка, и неудивительно, потому что вот уже четыре года я ни с кем не встречалась. Сначала я переживала по поводу болезненного расставания, которое настигло меня на втором курсе, а потом нагрузка в университете возросла так, что я чисто физически не могла бы ни с кем познакомиться, не имея практически ни минуты свободного времени. Под шум выползающего счёта с астрономической суммой, я погрузилась в мысли о том, что, наверное, я так навсегда и останусь одинокой, пока другие наслаждаются жизнью и отношениями, и неприятное тянущее чувство сдавило мою грудь. Мне захотелось немедленно выйти из магазина, а ещё лучше убежать, но я заставила себя подождать, пока он распишется на чеке, а потом мы вместе попрощались с цветочницей.

– Аня, большое вам спасибо за помощь. Без вас я бы не справился, – сказал он, улыбаясь, а потом вдруг протянул букет мне. – Это вам. Вы очень красивая, я хотел с вами познакомиться, но не знал, как вас ненадолго задержать. А потом на глаза попался цветочный магазин. Надеюсь, вы не злитесь.

Я почувствовала, как мои щёки наливаются румянцем:

– Вы меня смутили.

– Только не переживайте, мне от вас ничего не нужно. Разве что, я был бы рад пообщаться. Меня зовут Дориан...

– Стой, ка-ак его зовут?!.. – перебил Миша. – Это что, кличка такая?

– Говорит, что реальное имя.

– Ага, конечно. Странный он у тебя.

– Рассказывал, что его отец англичанин, а мама русская. Он рос в Лондоне, но сейчас работает тут. Ты слушать-то дальше будешь?

– А чего дальше слушать. Это он.

– В смысле?

– Дипломная работа – его рук дело.

– С чего ты решил? Он, кажется, управленец, с медициной не связан.

– Не обязательно нужно быть связанным с медициной, чтобы суметь договориться с доктором медицинских наук. Это сто процентов его почерк, судя по тому, что я сейчас успел услышать. И это меня пугает.

– Почему?

– Человек, любящий сюрпризы, сам бывает слишком скрытен и непредсказуем. Поосторожнее с ним.

– Миш, он очень воспитанный, тут не о чем переживать. Он меня пальцем не тронул за этот месяц, мы просто говорим, общаемся. Его не интересует секс и тому подобное.

– Это в который раз говорит о девиантности его поведения¹. Для здорового мужчины асексуальность не естественна, а лишить мужчину полового интереса могут только серьёзные психические отклонения.

– Миша, не ревнуй меня.

– Вот ещё, мы же просто друзья. Ладно, рассказывай дальше. Ты ведь ему говорила о своих проблемах с дипломом?

– Да, но только в общих чертах. Сказала, что у нас с научным руководителем неожиданно возникла личная неприязнь на почве несхожести мнений, и теперь она меня «валит», дала

¹ Девиантное поведение – патологическое поведение, отклоняющееся от устоявшихся социальных норм. (Здесь и далее прим. авт.)

тему, в которой я ничего не понимаю, и по которой очень сложно найти хоть какую-то информацию. Но я даже фамилий никаких не называла. Сказала только, где учусь и на кого.

– Ну вот, пожалуйста, что и требовалось доказать. А разузнать твою фамилию на кафедре нетрудно, тем более, ты говоришь, он руководитель, значит, у него язык подвешен и наверняка есть везде связи. Работу и речь могла написать сама Лаврова, это просто вопрос количества нулей, стоящих после единицы. Из чего можно сделать как минимум ещё один вывод: судя по всему, твой новый знакомый обеспечен и финансовых проблем не имеет. Запутанное дело раскрыто. Как всегда ничего мистического, – хмыкнул он, отодвигая от себя пустой стакан из-под компота, и добавил безэмоционально. – Скука.

Выйдя из университета, я позвонила Дориану и, услышав его довольное «Привет, Анют», поспешно проговорила:

– Большое спасибо тебе, конечно, но не нужно было так беспокоиться. Мне теперь очень неудобно, и перед тобой, и перед научным руководителем.

– Значит, вы с ней уже помирились? Я очень рад! Знаешь, из тебя выйдет отличный специалист, не нужно отступать за два шага до финиша. Я хотел бы, чтобы ты получила этот выстраданный диплом.

– Дориан, я в растерянности, правда. Как я могу тебя отблагодарить?

– Самой приятной благодарностью была бы возможность увидеться. Какие у тебя планы на вечер?

– Я уже освободилась, а ты?

– Без проблем, сейчас тоже освобожусь и подъеду. Адрес помню. У вас есть отличный ресторанчик там, неподалёку...

Сидя напротив, я изучала его безукоризненный внешний облик, такой же идеальный, как всё, что он делал и говорил. С невозмутимым выражением лица, будто бы и правда не замечал моего влюблённого взгляда, он рассказывал что-то о поэзии серебряного века, потом о дореволюционной прозе, дальше о живописи, скульптуре и архитектуре возрождения. Я, как могла, скромно поддерживала разговор, стараясь не подавать вида, что с одной стороны ничего толком не смыслила в искусстве, а с другой – что его слова, влетая в моё правое ухо, моментально вылетали сквозь левое. За этот месяц я умудрилась довольно крепко в него втрескаться, поэтому мой мозг, завешенный розовой вуалью, отказывался воспринимать высококультурную информацию. Мне хотелось просто прижаться к нему и молча сидеть рядом, не обсуждать ничего, а только ощущать друг друга.

Дориан же, похоже, не торопился идти на физическое сближение. Он редко дотрагивался до моего тела, предпочитая окутывать меня исключительно тёплыми звуками своего голоса. Удивительно, но он, испытывая видимое влечение ко мне, постоянно будто бы специально заставлял себя отдаляться. Он никогда не позволял нам хотя бы на минуту остаться наедине, даже ни разу сам не подвёз меня вечером до дома, вместо этого он каждый раз вызывал личного водителя, чтобы тот доставил меня в наш спальный район на одном из его «запасных», как он однажды выразился, авто. Для встреч Дориан всегда выбирал самые людные места, что, опять же, не позволяло нам хотя бы на миллиметр сократить дистанцию. Об этом я Мише не рассказывала – он бы наверняка снова назвал это девиантным поведением, но, казалось бы, если мужчина ценит женщину и не стремится сразу овладеть её телом – разве это отклонение? А секс на первом свидании – не это ли противоречие социальным нормам?..

Споря сама с собой, я запуталась. Я очень хотела расспросить об этом Дориана, узнать, какими соображениями он руководствуется, но всё никак не решалась. И только допив второй бокал вина, я то ли опьянела, то ли обнаглела. Решив ступить на его личную территорию если

не физически, то хотя бы психологически, я бесцеремонно перебила его экскурс в искусство эпохи возрождения:

– Дориан, могу я задать тебе личный вопрос?

– Конечно, Анют. Я, наверное, тебе наскучил.

– Нет, мне очень приятно с тобой общаться. Но кое-что не даёт мне покоя, и это тема, далёкая от живописи и поэзии.

– Без проблем.

– Эээ... Может быть, ты женат?

Дориан не поменял лица, не вздрогнул, он практически никак не проявил беспокойства, и только нерассчитано громкий звук, с которым он положил нож на тарелку, выдал его эмоции. Ему стало неприятно, он заволновался.

– Нет, я холост, а почему ты спросила?

– Иногда мне кажется, что ты от меня что-то скрываешь. Или кого-то, например, дружую женщину. Ты никогда не приглашал меня к себе домой, не позволяешь даже сесть к тебе в машину. Может быть, у тебя есть кто-то. Зачем тогда я?

Поняв в чём дело, он улыбнулся, моя ревность ему явно польстила. Перегнувшись через стол, он приблизился ко мне и шепнул:

– Ты для меня единственная. Я слишком привязан к тебе, чтобы думать о ком-то ещё.

Нежно, едва ощутимо, он провёл рукой по моей щеке. Мне непривычно было видеть и ощущать его так близко, и от стеснения, смешивающегося с удовольствием, я закрыла глаза. Я почувствовала совсем рядом его тёплое дыхание, оно прерывалось, будто он был либо переполнен чувствами, либо сексуально возбуждён. Его пальцы, которыми он поглаживал меня по щеке, немного тряслись, и я довольно осознала, что он, как и я, похоже, тоже втрескался. Замерев и не смея шевелиться, я вдыхала запахи его туалетной воды, кожи, волос, одежды – которые я раньше никогда не ощущала так явственно и которые сейчас слились для меня в один единый аромат, казавшийся знакомым с детства и родным. Я думала, что он вот-вот поцелует меня, но через какое-то время он снова откинулся на спинку кресла.

– Я уважаю тебя как девушку, – продолжил он своим бархатным голосом, как ни в чём не бывало. – И мне бы хотелось, чтобы ты чувствовала себя в безопасности, под защитой. А если бы я сейчас пригласил тебя домой, что бы ты подумала? Не решила бы ты, что я считаю тебя слишком легкомысленной? Не испугалась бы сесть ко мне в автомобиль, где я в любой момент могу заблокировать двери и изменить курс движения?.. Нет, вызывать у тебя подобные опасения было бы как минимум некорректно с моей стороны, а они обязательно появились бы, учитывая, что мы познакомились всего месяц назад. Ты ведь совсем меня не знаешь. Безусловно, на людях сейчас ты можешь чувствовать себя в большей сохранности, чем со мной наедине, и я так тоже буду спокоен, зная, что не причиняю тебе неудобств.

Он загнул довольно трудную для понимания речь, особенно если учитывать, что я пребывала в состоянии лёгкого опьянения влюблённостью вкупе с красным вином. Я так толком ничего и не уяснила, кроме того, что видеть меня у себя в гостях он не желает. Снова сегодняшняя беседа с Мишей, я заволновалась. «То есть, ты совсем-совсем не хочешь меня?» – такой вопрос вертелся на кончике моего языка, но количества выпитого алкоголя явно оказалось недостаточно, чтобы его озвучить. Наверное, моё лицо в тот момент выразило крайнюю степень смущения, и, уловив это, Дориан рассмеялся:

– Пожалуйста, не переживай. Ты очень привлекательна. Я дорожу тобой и не хочу, чтобы между нами были непонимания или подозрения. Если ты считаешь необходимым убедиться в том, что я живу один – приезжай. Думаю, я готов сделать тебе такое приглашение.

Он достал из бумажника свою визитку, на обороте размашистым почерком написал адрес и молча протянул её мне. В следующий момент, когда я потянулась, чтобы забрать карточку, он перехватил мою руку двумя своими, поднёс её к губам и поцеловал. Это получилось у него

так резко и неожиданно, без какого-либо намёка или предупреждения, что я в который раз смутилась и залилась краской.

– Извини меня, пожалуйста, – выпалила я. – Я и правда слишком бегу вперёд. Наверное, действительно пока ещё рано...

– Я тебя не тороплю, – мурлыкал Дориан. – Моё предложение бессрочное. Ты можешь приехать в любое время, без звонка, как только почувствуешь, что скучаешь.

– Я всегда по тебе скучаю...

Вот так, не успев немного повздорить, мы помирились. Как мартовские кот и кошка, мы не сводили друг с друга очарованных глаз, а за окнами ресторана отстукивала мелодию весенняя капель.

Глава 2. Бесконечно идеальный мужчина

Незаметно и проворно, вместе с апрельскими ручейками, пробежали дни. Студенты-медики, и я в их числе, сдав последние экзамены, начали готовиться к ГОСам. Спокойно, не тратя лишних нервов и времени на диплом, я проходила практику, а вечерами мы гуляли с Дорианом по центру Москвы, держась за руки (он наконец-то позволил мне оказаться чуть ближе!), вдыхая запахи наступившей весны, которая сейчас была уже не холодной мартовской мечтой, а самой настоящей реальностью.

Вот и сейчас мы неторопливо шли под тусклыми фонарями в сквере у Пушкинской площади. Я, ничего не соображая, утопала в нём: в его запахе, тепле, голосе, а он тихо и размеренно пересказывал мне «Ночь нежна» Скотта Фицджеральда. Эту книгу я не читала, но с благодарностью его слушала (или хотя бы делала вид), стараясь следить за нитью рассказа.

Сюжет был вполне типичным для романа с таким названием: любовный треугольник, главная героиня – несовершеннолетняя девушка неземной красоты, девственница, конечно же, а главный герой – несчастный доктор, мой коллега-психиатр, чья супруга по иронии судьбы оказалась лишена рассудка и страдала истерическим делирием².

– Я думаю, – произнёс наконец Дориан, демонстрируя мне обложку романа, – что ты могла бы найти эту книгу интересной. По крайней мере, мне было бы любопытно твоё мнение о ней. Поменявшись местом с героем книги, как бы ты поступила? Ты решилась бы на такой отважный шаг?

² Делирий – психическое расстройство, сопровождающееся галлюцинациями, аффективным (иногда социально опасным) поведением и бредом.

– Жениться на сумасшедшей? – его вопрос меня даже позабавил. – Сомневаюсь. Ничего страшного, если твои пациенты немного не в своём уме – так даже интереснее. Но, возвращаясь домой, доктору хорошо бы всё сумасшествие оставлять на работе, а отношения заводить со здравомыслящим человеком.

Дориан посмотрел на меня внимательно. Он ничего не ответил, но в его глазах читалось осуждение моей категоричности.

– Может быть, то, что я сейчас сказала, звучит немного несдержанно. Наверное, я просто очень устала от практики в дурке. К концу дня хочется только отдыха, осознанных разговоров, нежности – и больше ничего. Не могу представить, что дома вместо этого меня будет ждать жена-истеричка. Так и самому свихнуться недолго.

– Ты практикуешься в психиатрической больнице? – вздёрнул брови Дориан.

– Конечно, а где ещё мне практиковаться, я же будущий психиатр.

– И когда закончится этот ваш дурдом? – уточнил он с серьёзным видом.

– В июне. Но потом нам предстоит ещё год интернатуры.

– Да, ты права, это никуда не годится. А ты не думала над тем, чтобы работать психологом или психотерапевтом?

– Честно говоря, мне это было бы даже интереснее. Психиатры ведь в основном лечат таблетками, а в психотерапии разные методы, да и пациенты не такие запущенные. Но для этого нужно отучиться ещё год или полтора, причём уже платно, как и любое последующее образование...

– Анюта, подожди меня тут, пожалуйста, мне нужно срочно сделать пару звонков, я схожу к машине. А пока смотри, что у меня для тебя есть, – он положил на скамейку ту самую «Ночь нежна», которую в течение последних тридцати минут старательно пересказывал, затем вытащил из внутреннего кармана пиджака маленькую бордовую коробочку и поставил её сверху на книгу. – Я совершенно случайно узнал, что у тебя недавно был день рождения. Мне пока не знаком твой вкус, но, надеюсь, тебе понравится.

С этими словами он ушёл к парковке, оставив меня наедине с подарками. Будучи обескураженной той быстротой, с которой он удалился, я опустилась на лавочку и некоторое время оставалась неподвижной, а потом мои любопытные руки всё же потянулись исследовать презенты.

Красный бархат скрывал внутри себя изящные утончённые серьги из белого металла с четырьмя прозрачными, насыщенно алыми рубинами, чем-то похожими по оттенку на те розы, с которых началось наше знакомство. Вытащив из своих ушей скромные пуссеты из медицинского сплава, я убрала их в сумочку, а обновку – с благодарностью надела. Забота Дориана меня приятно удивила, и я на тот момент даже не задалась уместным вопросом – каким образом он узнал о дате моего рождения.

Ещё немного посидев в одиночестве, я решила открыть книгу. Причём, как настоящая двоечница, последние её страницы. Мне было интересно, чем закончится так фатально начинающаяся история про отчаянного психиатра. Очень быстро я убедилась в своих прогнозах, и чтение мне наскучило. Я успевала не только бегло просматривать текст, но ещё и глазеть по сторонам, украдкой из-за переплёта книги наблюдая за прохожими, а заодно задаваться риторическим вопросом, что такого интересного Дориан мог найти в этом занудном романе, единственное преимущество которого, пожалуй – красивое название. Эта тёплая весенняя ночь, окутывавшая меня тогда в сквере, действительно была очень нежной, лучшего слова не подобрать.

– Ну вот, я же говорила, – ликуя сообщила я ему, как только он вернулся. – Они расстались! Он на самом деле не помогал ей все эти годы, что они были вместе, а только фиксировал в состоянии больного человека. Психиатра, как и пациента, возвращаясь домой, тоже нужно оставлять в больнице. Эти отношения изначально были обречены.

– Ни слова больше, – Дориан вдруг опустился передо мной на колени и, отодвинув от лица прядь волос, поцеловал в губы. Как всегда это случилось неожиданно и не к месту, учитывая, что мы, как литературные критики, похоже, совершенно не сошлись во мнениях. Моё тело налилось сладким теплом, и я обмякла в его руках, крепко меня обнявших, вмиг забыв и о предмете спора, и о пациентах, и о фатальности в отношениях.

Спустя несколько секунд Дориан чуть отстранился, обхватил мою ладонь двумя своими и, глядя в глаза, заговорил:

– Я только что звонил ректору твоего университета, он дал нам добро. Завтра ты сможешь перейти в частный медицинский центр и работать там в качестве психиатра, эту практику тебе зачтут. Владелец клиники – мой хороший знакомый, он без проблем тебя устроит, ты пройдёшь у них интернатуру, одновременно с этим поступишь на программу переподготовки, а через

год, когда переквалифицируешься, сможешь перевестись на должность врача-психотерапевта. В медцентре тебя обещали сильно не нагружать, рабочий день будет заканчиваться в пять и ни минутой позже. Если понравится – останешься там, если нет – что-нибудь ещё придумаем. Ты согласна?

Вот такое необычное предложение в один из апрельских вечеров, стоя на коленях, сделал мне мой любимый мужчина – разве я могла отказаться? С тех пор я так и работаю в этой клинике, и в ней же, сидя в своём уютном кабинете, я пишу эти строчки, согревающие меня воспоминаниями о наших первых встречах, таких светлых и наполненных всеобъемлющей беспечной радостью.

Миша покрутил визитку в руках и процитировал вслух надпись:

– Дориан Белл, «Роял Ричмонд банк». Хм, а почему тут должность не указана?

– Не знаю, я даже не обратила внимания...

– Вообще, конечно, он очень странный тип, – в который раз повторил коллега. – По его поступкам складывается стойкое впечатление, что он постоянно извиняется перед тобой или заглаживает вину. Так как о поводах для извинений мы ничего не знаем – он ничего дурного о себе не рассказывал – можно сделать вывод, что он слишком скрытен и неискренен с тобой. Он пытается создать идеализированный облик себя, непрерывно творя добро и маскируя тем самым свои негативные качества. Это ни к чему хорошему в будущем не приведёт. Что будет, когда эту его плотину идеальности прорвёт?.. Вообще я тебе удивляюсь. Больше двух месяцев встречаться с человеком и ничего толком о нём не узнать!..

Я заварила чай, поставила на стол кружки и принялась резать торт. Иногда в выходной можно себя побаловать вкусняшками и побренчать со старым товарищем о новостях – именно этим мы, по обоюдному желанию, и решили сегодня заняться. Теперь, когда лекции в университете закончились, мы стали видеться гораздо реже, но тяга к общению не пропала ни у меня, ни у него.

«Интересно, – думала я, насыпая сахар в Мишину кружку, – неужели и правда дружба между мужчиной и женщиной существует?.. Или всё же он что-то чувствует ко мне из того, что находится за пределами дружбы? Зачем он постоянно говорит со мной о Дориане и осыпает меня этими абсурдными предупреждениями? Чего он хочет добиться? Рассорить нас? Или правда переживает за меня? Или всего-навсего перезанимался и теперь в любом поступке видит патологию?..» Ни на один из этих вопросов у меня пока не было ответа, поэтому я просто поддерживала разговор, уводя его дальше, не споря, но и не соглашаясь.

– Ну, может он просто заботится обо мне? Такого быть не может?.. Ты не злишься, что остался один работать в дурке?

– Нет, конечно, хотя там и грустно без тебя. Забота – она может быть адекватной, а может быть гипертрофированной. У него, как мне кажется, второй вариант. Уверю тебя, тут присутствует какое-то нарушение психической деятельности, – он в задумчивости провёл рукой по голове, приглаживая прядки взъерошенных пшеничных волос, – правда я пока ещё не разобрался, какое именно. Слишком мало информации и слишком мало времени прошло.

– А как у тебя на личном фронте?

– Всю фронтную линию занял диплом, зубрёжка билетов, истории болезни... А личка – она сидит в тылу и не высовывается. Может это и хорошо.

– Ничего хорошего! Кисло как-то.

– Да ладно тебе, каждый находит в жизни какую-то свою прелесть. Я вот тортик ем, и мне сладко, – улыбнулся Миша, отправляя очередную ложку в рот.

– А как же фигура? Нет, тортиками постоянно спасаться нельзя, надо нам как-то тебя растрясти. Дай подумать...

– Знаешь, – перебил он меня. – Вообще мне очень нравится твоё желание уйти в психотерапию. Работая в больнице, я сейчас понимаю, что большинство моих пациентов на самом деле являются психически здоровыми людьми, которым нужны не инъекции и таблетки, а всего лишь беседа и разъяснение причин проблем. Я считаю, что системе здравоохранения необходимо на должном уровне интегрировать психотерапию в психиатрию, чего на данный момент, к сожалению, мы не наблюдаем. Между первым и вторым – огромная, ничем не заполненная пропасть. Я сейчас как раз заполняю этот пробел, изучаю труды Фрейда и Юнга и применяю их подход к решению вопросов в рамках моей дипломной работы, посвящённой...

– Мишка, ты опять меняешь тему. Я тебе тут о любви, а ты про систему здравоохранения!

– О любви? Хорошо, можно и о любви. Ты никогда не задумывалась, зачем или почему индивид входит в личные отношения? Человек в здравом рассудке не будет занимать себя поисками партнёра, и тем более не влюбится. Он самодостаточен сам по себе, в одиночку, а по-медицински – здоров.

– А как же рождение детей? Чем не цель для поиска партнёра?

– Не путай биологическую функцию с психической! Никто же не выходит на улицу в поиске самца-осеменителя, как это происходит в животном мире. Отнюдь, если мы ищем партнёра – мы ищем любви или, у менее развитых особей, совместного удовлетворения телесных потребностей. Оплодотворение – это всего лишь побочный эффект, к которому может привести поиск. Но ты меня перебила на самом важном. Предположим, человек заболел – влюбился, как же нам его лечить? Тут важно вовремя провести диагностику и понять, что именно его привело к этому состоянию. Может иметь место несколько вариантов расстройств, каждое из которых – вполне реально излечимо. Первое – гормональное расстройство, чрезмерная выработка окситоцина, не связанная непосредственно с процессом зачатия, рождения или вскармливания ребёнка, этакая гормональная буря, незапланированный всплеск. Это проходит само со временем, специальная терапия не требуется, лечение симптоматическое. Второе – психологическая несостоятельность: поиск поддержки, неуверенность в себе, страх одиночества. Сюда же добавим финансовую зависимость и другие возможные материальные выгоды – всё это тоже чистая психология, лечится простыми упражнениями и приёмами. Изменив модель мышления, человек сможет всего желаемого добиваться сам, и необходимость в партнёре пропадёт. Третье – уже ближе к области психоанализа: это детские травмы, импринты³, социальные шаблоны и другие скрытые контролирующие механизмы – всё то, о наличии чего обычный человек не догадывается, но что неизбежно влияет на результат его жизненного выбора. Здесь терапия, наверное, самая трудная. Вернее даже не трудное, а скорее долгое. Пока мы не найдём корни причины, мы не вылечим это расстройство до конца, в лучшем случае оно только заглушится на время, до следующей встречи со спусковыми факторами. Вот тебе пример. Поступила к нам на днях девушка – я общался с ней более часа, чтобы прийти до реальной сути проблемы. Она плакала, жаловалась, что в личной жизни не везёт, и от этого ей плохо. Дважды замужем была, всё рушилось, мужчины не оправдывали её надежд, а она – их. В итоге загремела после попытки суицида с анорексией и депрессивным расстройством, но это не суть. Стали с ней копаться. Оказывается, в её детстве не было отца, он её почти не воспитывал, виделись раз в год на праздник, и она очень скучала по нему всё время. Девочка выросла, а как же ей компенсировать недостаток отцовской ласки и заботы? Вот и искала себе папочку в лицах парней и мужей, и, конечно же, не находила, потому что у партнёра совсем другая роль, вовсе не отцовская. Ругань, разочарование, «ты меня не любишь», разводы... А когда ей показал эту связь, и она её осознала, я задал вопрос: если убрать поиски отцовской любви, зачем же тогда ей нужен мужчина рядом? Она не ответила, не могла ответить. Зато я легко

³ Импринт – опыт получения первого впечатления о каком-либо событии или явлении, чаще приобретается в детстве и влияет на последующее поведение человека во взрослом возрасте, его систему убеждений и ценностей.

ответу за неё: незачем, у неё и так всё хорошо, всё есть, а отцовскую любовь, как к маленькой девочке, она уже никак не обретёт, это время ушло...

Он сделал паузу для глубокого вдоха, так как говорил очень быстро, практически на одном дыхании, и я наконец-то смогла его перебить:

– Мишка, а что если нам в отпуск махнуть, как только экзамены сдадим? Отдохнём, развеемся, забудем всю эту нервотрепку с пациентами, а?..

– Хорошая идея, а куда?

– Куда-нибудь, где потеплее. Может, в Турцию или Египет?

– Предложение заманчивое. Запасы витамина D3 тоже надо пополнять. Только у нас с тобой вместе ничего не выйдет.

– В смысле? Почему?

– А тебя твой мужчина приревнует и не отпустит.

– Надо у него спросить. В крайнем случае, может, все втроём полетим?

– Можно и так.

– Супер! Я тогда прямо сейчас ему позвоню!

Честно говоря, мне было немного жаль Мишу. Если до этого монолога я сомневалась в причинах его странного предостерегающего поведения, то теперь я понимала точно: Архангельский перезанимался. Фрейд и Юнг прочно обосновались в его мозгу, и этих товарищей немедленно нужно было оттуда выкуривать, пока он под их руководством не принялся лечить меня и Дориана от страшной, сугубо человеческой болезни.

– Дориан, привет! Не отвлекаю?

– Привет, Анечка. Для тебя у меня всегда есть время. Как ты, всё хорошо?

– Да, всё отлично! Знаешь, мы тут встретились с коллегой-однорупником, Мишей. Сидим, обсуждаем всякое – учёбу, экзамены, пациентов в больнице... и вдруг обоюдно пришли к мнению, что мы слишком перенапряглись, устали. Давайте втроём слетаем в отпуск в июне? У тебя получится выбраться?

– Отличная идея! Получится, конечно. А куда вы хотели бы?

– Ещё пока не знаем, надо посмотреть, какие есть путёвки. Значит, ты согласен?

– Разумеется. Передай Мише, что эту поездку я полностью оплачу, окей?

– Ой, он, наверное, не согласится. Это может его обидеть.

– Так просто будет удобнее, если решили лететь все вместе. Не повезём же мы тебя к туркам или арабам, правда?

– А, ну да... я поговорю с ним.

– Хорошо. А вечером встретимся и всё обсудим.

– Спасибо, милый.

– Целую!

Миша украдкой косился на меня, слушая наш разговор. Когда я отложила телефон, он переспросил спокойно с долей иронии:

– Значит, Турцию с Египтом забраковали? Без проблем. Если так диктует его маниакальная потребность в самоутверждении, пусть лучше он всё оплатит и успокоится, чем будет трепать себе и нам нервы на протяжении поездки. Я не против. Я ведь тоже хочу, чтобы у дамы, которую мы везём на море, были отличные условия и добродушный молодой человек. Но вот билет на самолёт я себе куплю сам, и это не обсуждается. Эконом, чартерный, – подмигнув мне, он запустил в рот последнюю порцию торта.

Вечером мы ужинали в очередном шикарном ресторане в центре города. Дориан принёс с собой макбук и, сев рядом, пролистывал передо мной варианты курортов и номеров, которые он успел подыскать. У меня разбегались глаза от такого разнообразия красок и цветов, и я терялась, будучи не в силах определиться. Он же чувствовал себя вполне комфортно: потя-

гивая капучино, он неторопливо рассказывал мне интересные географические факты о каждой стране, особенности климата, пляжей, культуры и достопримечательностей. Он говорил так легко и непринуждённо, создавалось впечатление, что он уже побывал там везде, а может и не единожды.

– Здесь всего двадцать вариантов, – наконец проговорил он, открыв последнюю вкладку. – Может, тебе захочется посмотреть что-то ещё, тогда завтра я снова подумаю над этим.

– Честно говоря, я растерялась, – ответила я смущённо. – Тут очень красиво, похоже на сказку. По фото мне везде нравится, но так как живу я раньше нигде не была, сложно выбрать. Ты, наверное, много путешествовал. Можно мне довериться твоему вкусу?

– Без проблем.

– Единственное, Дориан, далеко лететь я пока боюсь, я же ни разу не летала на самолёте...

– Тебе это понравится, вот увидишь. Как ты относишься к Испании? Перелёт занимает четыре с небольшим часа. В июне, правда, там относительно прохладно, лучше планировать поездку ближе к концу месяца, чтобы вода получше прогрелась. Но даже если будет холодно купаться – там есть, чем заняться и что посмотреть. Восхитительная архитектура: готика, ренессанс, барокко. Храмы, соборы, музеи, множество экскурсий... Я знаком с владельцем одного прекрасного отеля, если я еду в Барселону, я обычно бронирую у него пентхаус: 480 квадратных метров, две террасы с видом на море, три спальни, гостиная, рабочий кабинет, столовая, бильярдный зал, ванная с джакузи, прачечная, кухня... хотя она, как раз, тебе не понадобится. Давай я покажу тебе фото. Я совсем про него забыл.

Он замолчал и отвлёкся, вбивая в браузер адрес сайта, а я втихаря наблюдала за ним, смотря снизу вверх. Интересно, чем я заслужила у богов такой подарок в виде бесконечно идеального мужчины? Сколько я ни изучала черты его лица, лаская глазами брови, ресницы, скулы, уголки губ, я не могла почувствовать хоть какого-нибудь подвоха, изъяна, слабого места. Его безупречность висела в воздухе плотной, почти физически ощутимой субстанцией, которая одновременно и манила как магнит, и отталкивала, пугала – если «зайти» не с того конца. В нём ощущалась невыраженная сила, которая могла как защитить (и тогда ты – в безопасности, в радости, блаженстве до конца своих дней), так и уничтожить – спрессовать в одно мгновение, сломив каждого, с чьим сопротивлением столкнётся. Он никогда не давил на меня, напротив, как истинный джентльмен, был мягок и любезен, демонстрируя тотальное спокойствие и отсутствие у него какой-либо разрушительной мужской энергии. Но в то же самое время я чётко чувствовала разграниченную зону дозволенного, переступить которую я не могла и не должна была – иначе я попаду под невербальный прессинг с его стороны, и меня расплющит как мелкую мошку. Возражать, идти наперекор или соперничать хоть в чём-то с этим человеком было невозможно, неосуществимо, запрещалось немymi правилами безопасности. Единственным верным решением было войти в эту давящую зону личного пространства и подстроиться под неё, позволить ей изменить тебя, двигаться не против мощного течения, а вместе с ним – только в этом случае представлялось возможным остаться в живых.

– Анют, ты тут? Ты меня слушаешь?

– А?.. да, конечно. Просто немного задумалась. Я, конечно же, согласна на Испанию. Спасибо тебе огромное за твою заботу, всё это так похоже на сон...

– Хорошо, значит, скоро мы будем смотреть сны наяву, а не просто по интернету. Чуть позже я позвоню и забронирую номер, надеюсь, что он свободен на эти даты. Скажи ещё вот что – как у тебя обстоят дела с документами? Загранник, шенген?

– Ой, плохо, – спохватилась я. – Вернее не то чтобы плохо, а скорее никак. Но ничего, до июня полно времени, надеюсь, я успею всё оформить. Завтра схожу в паспортный стол.

– А что если я сам этим займусь завтра, ты мне доверишься? Нужны будут твои паспортные данные, а лучше сам паспорт на день. Вечером паспорта с визой будут уже у тебя на руках – как тебе такой вариант?

– Ого, так быстро! Дориан, ты такой молодец, столько делаешь для меня. Тебе не в тягость это? У тебя наверное и так много работы?

– Ничуть. Мне очень приятно заботиться о тебе и помогать. На работе я чаще пассивен, больше наблюдаю за процессами, и только изредка вмешиваюсь и вношу коррективы. По сути, там всё работает и без меня, я же существую только на случай неожиданных форс-мажоров или глобальных катастроф.

– Ты ведь руководитель?

– Не совсем. Я владелец и учредитель российского отделения одной большой британской компании. Руководить мне, конечно, тоже можно – ради развлечения, когда всё остальное наскучит, – он улыбнулся с наигранной наивностью, захлопнул ноутбук, притянул меня поближе к себе и чмокнул в макушку.

Глава 3. Я готов поставить диагноз

Не успела я оглянуться, как в окна моей квартиры на втором этаже постучалась ветками черёмухи середина мая. Последний рывок был практически сделан, финишная прямая – почти пересечена. Мы быстро и незаметно для самих себя сдали государственные экзамены, и это оказалось легче, чем я думала. Миша получил по всем предметам (ну разумеется!) пятёрки, а я – честно вымученные четвёрки, и на этом нервотрёпка завершилась. Всё ближе и ближе был долгожданный отпуск и Испания со своими пляжами. Оставалось взять финальный аккорд – защититься.

Утро среды, 9:50. Я сидела в залитом солнцем актовом зале в ожидании преподавателей и нервно дёргала ногой. На мне была крайне непривычная одежда: узкая строгая юбка, белая блузка, лёгкий пиджак, да ещё и халат поверх. Халат, впрочем, по сравнению со всем остальным был вполне привычен. Соседнее кресло я заняла для Миши, но, пока его не было, там лежала папка с дипломом, а сверху – упаковка успокоительного, которое я накануне сама себе выписала на работе.

– Всем привет! Чуть не опоздал по этим пробкам, – Архангельский на космической скорости влетел в зал и, поравнявшись со мной, с юмором воскликнул. – Ооо, допингом, значит, балуемся! Так не пойдёт, диплом держи, а допинг я у тебя конфискую.

С лёгкой улыбкой он отобрал у меня таблетки и положил в карман своего халата:

– Ты давай не дрейфи, а лучше послушай, что я тебе сейчас расскажу, – после этой фразы он перешёл на драматический шёпот, приблизившись губами к моему уху. – Представь, выхожу я сейчас на парковке и что-то замешкался, проверяю, всё ли взял с собой... а тут вдруг справа рядом начинает задом парковаться серебристая ауди и сходу чуть было не чиркает меня по бочине. Тормозит в сантиметре от моего правого бока, потом снова подаёт вперёд и пытается заехать под другим углом. Я останавливаюсь, думаю, дай посмотрю, чем дело кончится, любопытно же. Про диплом уже забыл, наблюдаю. В итоге минут через пять ей всё же удаётся выбрать нужное положение, и она заезжает...

– А кто это был, студентка какая-то? – тоже шёпотом спросила я.

– Если бы. В этом самое интересное! Дверь ауди открывается – кстати, опять чуть было не задев мой правый бок – и как ты думаешь, кого я там вижу?

– Не томи уже!

– Твою любимую Лаврову собственной персоной! Ты помнишь, чтобы она до этого когда-нибудь каталась на машине? Да ещё и на ауди к тому же.

– Нет, не было у неё машины. Она всегда пешком до метро ходила. Ты думаешь, что это...

– По крайней мере, так вся картинка складывается воедино.

– Может быть, ей какой-то части от суммы не хватало, а Дориан добавил?

– Может, конечно, и так, мы этого уже не узнаем наверняка. Но главное, что она выглядит весьма довольной своей покупкой. А перед защитами это самое важное – создать преподу позитивный психологический настрой. В общем, за исход твоего выступления я спокоен. Тут и без таблеток всё будет на мази. О, вот и она идёт. Всё, молчу. Ни пуха, ни пера!

– К чёрту, Мишка!..

Через четыре с половиной часа, защитившись и выслушав защиты других одногруппников, мы сидели в столовой и отмечали полученные «отлично» чёрным чаем с плюшками. Дипломная работа Миши, а в частности её практическая часть, произвела настоящий фурор, впечатлив всех преподавателей и даже некоторых студентов (тех, кто к концу шестого курса начали что-то понимать в психиатрии). Около получаса ему не давали уйти с трибуны, задавали дополнительные вопросы и выслушивали подробные объяснения, но в итоге всё же сжа-

лились и, напомнив, что у него великое будущее в медицине, отпустили. Ко мне же никто особенно не прислушивался: то ли к тому моменту преподаватели уже устали, то ли сами, как и я, ничего не поняли в теме и содержании работы. Получив контрольные два вопроса, я сморозила в ответ какую-то размытую чушь и поскакала обратно на своё место. Всё было позади, наконец-то я стала свободным человеком.

– Ну что, отличница, как ощущения? Держи свои колёса, – Миша со смешком выложил нетронутые таблетки на стол.

– Пока ещё не понимаю. Не верю, наверное, своему счастью. Неужели всё закончилось...

– На самом деле, наши приключения только начинаются. Все эти шесть лет были лишь подготовкой, репетициями, а настоящие трудности нас ждут за пределами стен универа, в реальной жизни. Никто не знает, каким местом эта самая реальная жизнь повернётся к нам завтра, поэтому всегда нужно быть готовым к тому, чтобы мобилизовать все свои знания и силы и успешно пройти её испытания.

– А мне почему-то не кажется, что хоть что-нибудь из изученного здесь мне где-то ещё пригодится. С пациентами – да, но не в реальной жизни.

– Кто знает. Всё же психология и психиатрия – это мощный рычаг управления как одним конкретным человеком, так и всем миром в целом.

– Ну ты и разогнался, мир хочешь завоевать? – я рассмеялась. – Всё это чушь, Миша. Скука и бесполезность. Давай обсудим это через пару лет, тогда и посмотрим,годились ли нам наши корочки. Может, к тому моменту мы даже и работать в психиатрии не будем...

– Хорошая идея. По рукам! Кстати, а ты Дориану сообщила уже?

– Нет пока. Думаешь, надо прямо сейчас позвонить?

– Почему бы и нет, он ведь тоже к этому знаменательному событию причастен.

Соглашаясь, я вытащила мобильный и набрала уже знакомый наизусть номер.

– Привет, моя хорошая! Как успехи?

– Привет! Нам с Мишкой поставили по пятёрке, спасибо тебе огромное за твою помощь!

– Замечательно, поздравляю! Скоро это отметим! Кстати, Анют, ты очень вовремя позвонила. Я сейчас стою в торговом центре, покупал себе одежду и совершенно случайно наткнулся на изумительное вечернее платье. У тебя ведь скоро выпускной. Я думаю, оно прекрасно будет на тебе смотреться, ты непременно должна его примерить!

– Ой, даже не знаю...

– Ты уже окончательно освободилась? Можно я отправлю за тобой водителя?

– Да, мы уже закончили, сейчас в столовой чай допиваем.

– Отлично, через полчаса Виктор подъедет к университету и тебе позвонит. До встречи!

Этим вечером я так устала, что на гудящих, тяжёлых ногах еле доплелась до своей квартиры. Покупкой выпускного платья наш поход по магазинам, разумеется, не ограничился: Дориан настоял, чтобы я перед отпуском полностью обновила свой гардероб, и повёл меня на экскурсию по бесчисленному множеству бутиков. Так я узнала его вкус, сдержанный английский, с ноткой строгости, хотя и не менее изысканный. Надо отдать должное не только вкусу, но и глазомеру – он со стопроцентной точностью мог угадать, подходит ли вещь по размеру или фасону. Нежно-розовое обтягивающее вечернее платье смотрелось на мне восхитительно, будто оно было сшито по моей фигуре. Демонстрируя себя в нём со всех сторон, я повернулась перед Дорианом и увидела, как его глаза зажглись яркими, немаскируемыми искрами желания. Он едва заметно закусил нижнюю губу, наверное, чтобы вернуть себя в чувства и не выдать эмоций, а затем с напускным спокойствием признал:

– Анечка, ты в нём великолепа! Тебе самой как, комфортно?

– Да, оно очень красивое! Спасибо тебе большое!

Пока я крутилась в зеркале, рассматривая детали, его блестящие глаза продолжали жадно меня поглощать, скользя по изгибам тела. С непередаваемым расстройством он проследил, как я ушла обратно в примерочную, чтобы переодеться. Мне даже стало его немного жаль, отчасти поэтому я и согласилась продолжить шопинг. По сияющему взгляду я понимала, что больше всего на свете Дориан хотел бы меня раздеть, но вместо этого, магазин за магазином, он продолжал меня одевать. Он умышленно выбирал разные цвета и фасоны, по-своему подчёркивающие фигуру, чтобы по частицам, выхватывая всё новые подробности о моих формах, составить полный обнажённый образ.

Поздним вечером, когда уже стемнело, мы вышли из торгового центра и, наконец, смогли вдохнуть порцию свежего воздуха. Поставив пакеты на скамейку, Дориан позвонил своему водителю и сообщил мне, что тот должен подъехать с минуты на минуту. Я едва стояла на ногах от усталости и хотела было вслед за сумками опуститься на лавочку, но не успела. Обняв меня, Дориан приблизился ко мне и дотронулся губами до моего уха. Его голос заметно сел и звучал глухо, в нём читалась крайняя степень возбуждения:

– Ты сегодня свела меня с ума. У меня из головы не выходит образ тебя в этом платье... Я буду самым счастливым мужчиной в мире, если после выпускного вечера ты позволишь мне ещё раз увидеть тебя в нём. Возможно, мы даже смогли бы потанцевать вместе?.. От одной только мысли об этом я испытываю непреодолимый творческий подъём, – с этими словами он положил руку сзади мне на копчик, чуть выше попы, и посильнее прижал мой таз к себе. Я почувствовала низом живота его эрекцию и моментально залилась краской. У меня загорелись щёки и уши, я инстинктивно отскочила подальше и застыла так, растерянно улыбаясь.

Увидев моё смущение, Дориан смутился сам. Он предложил мне сесть на скамейку и тоже присел рядом. После небольшой паузы он проговорил с иронией к самому себе:

– Даже не знаю, что на меня нашло. Я не помню, чтобы я раньше вёл себя подобным образом. Прости мне эту творческую самодеятельность, этого больше не повторится. Надеюсь, я не обидел тебя.

– Просто очень неожиданно...

– Анюта, ты по-прежнему для меня в первую очередь личность, а только потом уже – потрясающе красивая девушка. Я больше не нарушу без разрешения границы твоей зоны комфорта, можешь быть спокойна.

Он выглядел заметно расстроенным, и мне захотелось как-то подбодрить его, намёками объяснить, что я вовсе не считала его непривлекательным. Без сомнения, он являлся для меня олицетворением эталона мужской красоты, а суть проблемы заключалась в другом: я была девственницей, поэтому всего связанного с интимом на глубоком, неконтролируемом уровне боялась как огня. Дориан, разумеется, об этом не знал, и я пока не чувствовала себя готовой ему признаться.

Чтобы показать, что не сержусь, я подсела к нему чуть ближе, мои колени едва ощутимо коснулись его бедра, рука легла на гладко выбритую напряжённую скулу. Мягко повернув его голову к себе, я разбавила неловкий момент поцелуем в губы. Он вздрогнул от неожиданности, а когда в следующую секунду осознал, что происходит, повернулся ко мне, обеими руками обхватил моё лицо и перенял инициативу.

Сквозь закрытые глаза я увидела свет от подъехавшего на парковку автомобиля. Остановившись, водитель тут же погасил фары, чтобы не слепить нас, а потом ещё и заглушил мотор. Дориан не обратил на это ни малейшего внимания. Он ещё долго целовал меня, выплёскивая в поцелуй всё те новые чувства, которые сегодня ко мне испытал.

Утром на улице была прекрасная погода. Спустив босые ноги с кровати, я вышла на балкон, прямо в ночной сорочке, подставила лицо нежным лучам солнца и потянулась. Черёмуха, плавно раскачиваясь на лёгком ветерке, наполняла воздух особым трепетным ароматом,

пробуждающим поэтические чувства. Я вдруг поняла, как же на самом деле хороша жизнь, и почувствовала необходимость непременно с кем-нибудь этим осознанием поделиться. Взяв сотовый телефон, я решила набрать родителям и похвастаться своими успехами.

Мои родители, вместе с младшей сестрой, жили в небольшом подмосковном городе на юге от Москвы. Возможно, я бы тоже до сих пор жила сейчас с ними, если бы шесть лет назад папа-военный не решил, что пора делать из старшей дочери независимого человека. Посоветовавшись с мамой на семейном совете, он пришёл к выводу, что мне обязательно нужно поступать в московский ВУЗ. Он снял мне крохотную однокомнатную квартирку на окраине столицы и волевым пинком выставил отпрыска из отчего дома. Родители всегда почему-то считали меня несамостоятельной личностью, этакой размазнёй, которую постоянно нужно направлять, чтобы она двигалась вперёд – а может на самом деле так и было – и боялись, что из меня не выйдет ничего путного. Первое время я, конечно, страдала от недостатка родительской веры, но потом смирилась, нашла где-то внутри свой собственный твердый стержень и стала ориентироваться на него. Сейчас же, когда жизнь начала заметно налаживаться, во мне проснулась самая настоящая гордость за себя. Управляемая этой плохо скрываемой гордостью, я с возбуждением тараторила в трубку последние новости:

– Привет, пап! Я вчера защитилась, на «отлично», представляешь?!.. Всё прошло супер! У Миши, конечно, тоже пятёрка... Да, кстати, пап, я ещё хотела сказать, что больше не нужно присылать мне деньги за квартиру, я на днях получила свою первую зарплату в клинике, где теперь работаю. Её хватит и чтобы заплатить хозяйке, и на еду, и на одежду... хотя, одежды у меня и так теперь предостаточно, в шкаф не помещается... Думаю, немного денег у меня, к концу месяца, будет оставаться, смогу копить на что-нибудь или вам помочь. А ещё мы скоро летим в Испанию с Мишкой и моим молодым человеком! Почему втроём?.. ну, так получилось, решили, что вместе веселее. Через неделю будет выпускной вечер, я скину вам фотки!.. А у вас как дела, рассказывайте!..

Слушая папину речь, я убеждалась, что дома, изо дня в день, из месяца в месяц, ничего не менялось. Наверное, это хорошо. Как сказал бы Дориан, «Отсутствие новостей – это уже хорошая новость»⁴. Кстати, о Дориане! Я вдруг вспомнила, что так толком ничего и не узнала о его родителях, о детстве, о том, чем он жил все эти годы до меня. Кажется, он упоминал, что его мать несколько лет назад умерла, но на этой фразе он быстро поменял тему и торопливо увёл разговор в другое русло. Это было на одном из наших первых свиданий, и я почувствовала неуместным задавать дополнительные вопросы, напоминая о трагическом событии. Больше он о своей жизни не распространялся, сама же я тактично не интересовалась, а зря. Должно быть, у него очень интересная биография, насыщенная яркими событиями, которые помогли ему в столь молодом возрасте стать успешным человеком. Я бы очень хотела когда-нибудь послушать его рассказ о себе во всех подробностях...

Как только я сбросила вызов, телефон зазвонил снова, это был Миша:

– Привет, выпускница! Не спишь?

– Нет уже, стою на балконе, вдыхаю запахи весны и свободы.

– Погода сегодня шикарна! Но я не об этом хотел тебе поведать. Я вообще-то планировал тебя пристыдить! Ты вчера так быстро убежала, что забыла в столовой свой халат. Как ты могла с ним так поступить – вы ведь столько пережили вместе!

– Точно! Как-то вылетело из головы, – спохватилась я.

– Ну ничего, к счастью, ваш верный слуга вовремя его заметил, подобрал, отряхнул и провёл ему сеанс реабилитации. Он совсем на тебя не злится и готов вернуться. Когда его завезти?

– Действительно, нужно его сохранить для истории. Когда тебе будет удобно?

– Да хоть прямо сейчас.

⁴ «No news is good news». (англ. поговорка)

– Здорово, давай. Буду ждать!

Я положила телефон на подоконник и задумалась. Мой мозг постепенно просыпался и набирал обороты, оживляя в памяти события вчерашнего вечера. Когда Дориан проводил меня до задней дверцы своего автомобиля, он взглянул мне в глаза одновременно и с лёгкой тоской, немного огорчённо, и с нескрываемой влюблённостью во взоре. Наверное, несмотря на всю эту внешнюю строгость и уверенность, внутри он всё же был очень ранимым человеком, тонко чувствующим, впечатлительным... С особым удовольствием я вспоминала тот самый острый, поначалу напугавший меня момент и ощущала, как мои щёки наливаются румянцем, а в животе начинается порхание бабочек. Мне было приятно осознавать, что, вопреки предположениям Миши, Дориан – психически здоровый мужчина, и он всё же чувствует ко мне самое настоящее, растущее с каждым днём, сексуальное желание. Однако это желание с одной стороны радовало, а с другой – заставляло тревожиться. Я не знала, как вести себя с ним дальше. Самым правильным, наверное, было бы воспользоваться визиткой, на обратной стороне которой он написал мне свой домашний адрес, и после выпускного бала приехать в гости. Позволить ему станцевать со мной этот приватный танец. Но я боялась, трусила, не готова была открыться ему и рассказать о своей девственности – не говоря уж о том, чтобы её потерять.

– Миша, мне нужен твой совет! – открыв дверь, выпалила я, не успев толком пропустить товарища за порог.

– Рад служить, – с улыбкой ответил коллега, вручая мне пакет с халатом. – Сейчас я помою руки, и во всём разберёмся.

– Да, конечно. Тебе чай или кофе?

Через минуту, удобно устроившись у меня на кухне, он шутливо спросил:

– Ну-с, больная, рассказывайте, на что жалуетесь?

Деликатно, опуская ненужные подробности, я пересказала ему ситуацию, которая произошла между нами с Дорианом. Архангельский слушал очень внимательно, я бы сказала взахлёб. На его лице была стандартная, располагающая к себе мина успешного специалиста, едва улыбающаяся, но на самом деле не пропускающая во внешний мир никаких личных эмоций. Пока я говорила, я пыталась понять, присутствует ли у него ревность к Дориану, чтобы, если что, смягчить свой рассказ, но он держал оборону достойно – ни один мускул не дрогнул на его физиономии.

– Что мне теперь делать, Мишка? Как дальше вести себя с ним? – спросила я в завершение своего монолога.

– Прекрасно! – вместо ответа на вопрос, торжественно воскликнул Миша. – Всё, я готов поставить твоему Дориану диагноз! Теперь картинка сходится воедино.

– Какой диагноз? – растерялась я.

– Обсессивно-компульсивное расстройство! – ликующе резюмировал коллега и добавил автоматически. – МКБ-10: F42.⁵

– С чего ты взял?! Это совсем на него не похоже, он довольно адекватно себя ведёт. И потом, помнишь, ты говорил, что у здорового мужчины...

– Я уверен с точностью до девяноста девяти процентов! – перебил Миша. – Основное свойство больных ОКР – внешнее, я бы сказал, напускное спокойствие, которое иногда спонтанно нарушается резкими неуместными действиями. Такие больные чаще всего заторможены и неактивны, но в голове у них постоянно вьются одни и те же навязчивые мысли, образы или намерения – по-медицински обсессии. Эти мысли доставляют им немало страдания, больные пытаются им сопротивляться, заглушить их с помощью своих действий – компульсий – но редко в этом преуспевают. Если проанализировать личность Дориана, так и получается: большую часть времени он крайне спокоен и рассудителен, но временами резко выкидывает

⁵ Шифр заболевания в Международной классификации болезней.

какой-нибудь финт. Добавь сюда постоянное патологическое стремление к перфекционизму и самоконтролю, которое сразу бросается в глаза. Теперь мне стало понятно, чем следует объяснить его безудержное желание творить добро – это и есть ни что иное, как компульсии, которыми он пытается подавить свои навязчивые мысли. А уж какие у него там мысли – пока только одному богу известно, но по масштабам натворённого добра можно предположить, что они не менее глобальны. И это явно не просто привычка часто мыть руки. Аня, я не шучу, беги от него, пока не поздно!

– Мишка, ну что ты нагнетаешь... Я вообще совсем о другом спрашивала, скорее о себе. Я не знаю, как мне поступить.

– Хорошо. Что именно тебя тревожит?

– Мне кажется, я пока не готова к интимной близости, на которую он уже открыто намекает.

– Это твоё полное право. А в чём проблема? Все отношения полов, по сути, и состоят из попыток мужской особи сформировать у женской особи готовность к близости.

– Мне страшно его расстраивать.

– Да, с психически нестабильными личностями надо вести себя аккуратнее, это ты права. Но ты никогда не сможешь предугадать, каков его спусковой механизм, пока он не «выстрелит». Может его, наоборот, твой отказ только порадует, и он втрескается ещё сильнее.

– Я боюсь так рисковать. Мне не хотелось бы повторять свою прошлую ошибку, но и переступить через себя я не хочу. Я запуталась.

– Расскажи, что ты имеешь в виду под прошлой ошибкой?

– Помнишь, я встречалась на втором курсе с мальчиком?

– Да, помню, Пашей его звали, кажется.

– Точно. Мы расстались из-за того, что он хотел секса, а я, наоборот, не хотела никакого интима до свадьбы...

– Это была его инициатива?

– Что именно?

– Расстаться?

– Ну да. Сказал, что устал ждать, что ему нужна более раскрепощённая девушка.

– А ты что?

– А я... Переживала, конечно, но не пыталась его удержать. Наверное, это сильно опустило мою самооценку.

– Видишь, в чём твоя проблема – ты оцениваешь себя не объективно, а исходя из субъективного отношения прошлого партнёра. Это в корне неверно, потому что вы с ним с противоположных сторон смотрели на мир. У него была цель – найти себе сексуальный объект, твоя цель – найти супруга. Это не плохо и не хорошо. Вы просто изначально искали друг в друге разное. Не нашли – расстались, продолжили поиски, тут всё закономерно. Подумай теперь, какая у Дориана может быть цель? Совпадает ли она с твоей? Потому что если нет – то отношения в любом случае обречены, независимо от того, как ты сейчас решишь поступить. С Пашей вы бы тоже расстались, даже при наличии секса. Когда ты поняла бы, что он не собирается на тебе жениться, ты бы кинула его сама. Если сейчас тебе кажется, что ваши с Дорианом цели совпадают – не нужно бояться быть самой собой, действуй так, как говорят чувства.

– Я тебя понимаю, это звучит очень логично. Но как узнать наверняка, какая у другого человека цель?

– Наверняка ты никак не узнаешь. Тем более, опять же, у человека с выраженным психическим расстройством. У него вообще могут быть противоречащие друг другу цели. Или сегодня одна, а завтра другая. С таким человеком у тебя никогда не будет чувства стабильности.

– Мишка, прекрати, наконец уже, меня пугать! Нам же ещё в отпуск лететь всем вместе. Может, настроимся на позитивную волну?

Он пожал плечами:

– Согласен. В любом случае, все ошибаются, может быть и я тоже несу чушь. Жизнь – лучший способ диагностики, она всё либо подтвердит, либо опровергнет. А пока давай-ка займёмся чаем. Я тебе, кстати, пирожных привёз, с ягодками.

Глава 4. Шах и мат

Весь следующий месяц я считала деньки до поездки, маркером вычёркивая на настенном календаре очередное прожитое число. Моё настроение было активным и боевым, душа просила новых открытий, покорения свежих горизонтов. Чемодан – с одеждой, купальниками, косметикой и документами – давно был собран и ждал в коридоре своего часа. Миша, который в июне изредка заезжал со сладостями в гости, каждый раз откалывал по этому поводу какое-нибудь ироничное замечание. Смущённо пожимая плечами, я оставляла его издёвки без комментариев и отправлялась заваривать чай. Да, в чём-то я до сих пор оставалась ребёнком и легко, даже с долей гордости, это признавала.

Отгремел выпускной бал. Получив долгожданные корочки на руки – Миша красную, а я синюю – мы наплясались, наелись и напились в компании студентов с других факультетов и даже некоторых преподавателей. Несколько раз я получала комплименты от сокурсниц, правда, в основном в адрес моего платья. Как оказалось, оно принадлежало к новой, эксклюзивной коллекции какого-то известного модельера, чьё имя я позабыла, едва услышав. Отвечая, что это подарок, а сама я не разбираюсь в моде, я ловила на себе взгляд, в котором ясно читалось желание собеседницы покрутить пальцем у виска. Улыбаясь их гримасам, я делала ещё пару глотков шампанского и шла дальше танцевать.

Перед выпускным я позвонила Дориану и в мягкой форме, не объясняя толком причины, сказала, что пока не смогу приехать к нему в гости. Я попыталась ещё добавить, что, по моему мнению, сейчас слишком рано открывать интимную тему, но на этой фразе он меня перебил мягким: «Анюта, ты не должна оправдываться. Делай так, как будет комфортнее для тебя. Я больше этот вопрос не подниму, заговори со мной сама, когда считаешь нужным, если вообще считаешь. Я прошу у тебя прощения». В свою очередь извинившись в ответ, я пригласила его приехать к нам на празднование, но он деликатно отказался, сославшись на срочные дела. Видимо, испугался, что снова не сможет себя контролировать при виде меня в этом платье. Щекотливый вопрос был легко и бесконфликтно закрыт. Я поняла, что у Дориана действительно нет намерения найти себе сексуальный объект, а соответственно наши жизненные цели, скорее всего, совпадают. Обрадовавшись, я со спокойной душой готовилась к путешествию. Я подумала даже, что не будет ничего плохого, если в поездке между нами всё же произойдёт секс. По-прежнему, я не чувствовала себя полностью к этому готовой, но мне хотелось поощрить его за понимание и доброту. Накануне вылета я, втайне от Дориана, съездила в торговый центр и купила себе откровенное кружевное бельё, потратив на него большую часть своей зарплаты, а в аптеке рядом с домом – презервативы. Засунув всё это поглубже в чемодан, мы с моей совестью полностью успокоились, накрылись одеялом и сладко уснули.

В день вылета, в семь тридцать утра, меня любезно разбудил Миша:

– Приветствую, путешественница! У меня через четыре часа рейс, вы ведь меня подкинете с вещами в аэропорт? А то там машину задарма оставить негде, вся парковка платная...

– Привет! Да, Дориан подвезёт, наверное, – сонно сказала я. – Я даже не знаю, во сколько мы сами полетим... Сейчас я позвоню ему и всё выясню.

В отличие от меня, Дориан, судя по голосу, уже не спал, но на всякий случай я поинтересовалась:

– Доброе утро, не разбудила?

– Не успела, Анют. Доброе утро. Я тут всю занимаюсь работой, заранее раздаю ЦУ, чтобы на отдыхе меня не беспокоили.

– Здорово! А мне только что позвонил Миша, говорит, у него скоро рейс...

– Хорошо, тогда я наберу водителю, и мы выезжаем. Сначала заедем за тобой, а потом за Мишей. Ты сама готова к вылету?

– Да, я уже собралась. «Ещё три недели назад», – добавила я мысленно.

– Тогда целую тебя, мы скоро будем!

Уже через час мы остановились у общежития, где обитал Миша. Для буднего дня, с московскими пробками, мы добрались удивительно быстро. Конечно, тут не было никакого волшебства, только ловкость рук водителя – даже я, не имеющая прав, заметила, как он несколько раз серьёзно нарушил правила дорожного движения, видимо, Дориан попросил его поторопиться. Когда, наконец, мы припарковались, я вздохнула с облегчением – такая быстрая езда заставила меня немного поволноваться, на протяжении практически всей поездки я сидела, вжавшись в спинку кресла. Дориан же был в высшей степени невозмутим. Он спокойно сделал несколько звонков по работе, в том числе распорядился, чтобы секретарь заказала нам билеты на ближайший рейс первого класса.

Резвыми шагами Миша спустился по ступенькам с крыльца и, прежде чем сесть в автомобиль, обошёл его вокруг, с нескрываемым интересом осматривая со всех сторон. Потом, наконец, он вручил водителю свой чемодан, а сам плюхнулся на переднее сиденье. Повернувшись к Дориану, он воскликнул в крайней степени изумления:

– Классный мерс у тебя! Красотища!

– Приятно познакомиться, Дориан Белл, – сдержанно ответил тот, протянув руку.

– А, точно, мы же ещё не знакомы! Вылетело из головы. Миша Архангельский, очень приятно!

– Миш, представляешь, – вклинилась я, – мы к тебе по встрече летели! Кажется, мы нарушили всё, что могли нарушить. Но нас ни разу почему-то не остановили...

– Ещё бы, с такими-то номерами! – Миша поднял вверх большой палец. Я не успела уточнить, что не так с номерами, как Дориан поспешно пояснил:

– Я редко беру это авто, только когда очень сильно куда-то тороплюсь. Например, как сейчас. А все остальные номера у меня самые обычные.

– Все остальные номера?! – переспросил мой коллега. – У тебя не одна машина?..

– Да, у меня их несколько, – не вдаваясь в подробности, будто разговор идёт о чём-то несущественном, ответил Дориан. – Одно время я любил гонять на разных тачках, было интересно, на что каждая из них способна. Сейчас в основном езжу только на одной, а другие простаивают в гараже.

– Это круто! Завидую белой завистью. Мне бы хоть за одну свою выплатить кредит...

Раньше я не замечала, чтобы Миша с кем-то так по-свойски общался. У меня создалось впечатление, что он специально косит под студента-простачка, чтобы вытянуть из Дориана дополнительные подробности. Подтверждая мои догадки, в следующий момент он с напускной наивностью спросил:

– А если не секрет, в какой сфере ты работаешь?

– Финансовый сектор, – ответил Дориан и, после секундного раздумья, спокойно добавил. – Миша, давай сразу начистоту, чтобы между нами не возникло стены непонимания. Я работаю в крупном британском банке. Российское отделение этого банка принадлежит мне, я его основатель, но, по сути, это не является моей заслугой. Конечно, не при дамах будет сказано, но я ничего не добился сам, я просто пришёл на всё готовое. Этот бизнес был основан моим отцом, именно он тридцать лет назад открыл первый офис банка в Ричмонде-на-Темзе, это один из районов Лондона. Я – всего лишь его преемник, и я прекрасно осознаю, что всё имеющееся у меня я получил благодаря моему отцу.

– Здорово! Но всё равно ты сам немало сделал – ты ведь создавал российский бизнес с нуля?

– Да, всё, что у меня было – это раскрученный на родине бренд, оксфордский диплом и начальный капитал. Хотя, это уже немало. С такими исходными данными любой бы справился.

– И всё же, ты же ещё такой молодой, а уже столько достиг... кстати, а сколько тебе лет?

– На самом деле, прошло не так мало времени. Я приехал в Россию в двадцать три, почти сразу после того, как закончил учиться. А сейчас мне тридцать один.

Дориан украдкой покосился на меня, проверяя, не вызвали ли новые подробности у меня разочарования. Я раньше не задавала ему таких вопросов и не знала даже его возраст. Оказывается, между нами было целых девять лет разницы – никогда не подумала бы, таким молодым, бодрым и свежим он всегда выглядел. Впрочем, цифры – будь то его возраст или доход – меня абсолютно не интересовали. Чтобы дать ему понять, что всё в порядке, я чуть плотнее сжала его ладонь, в которой он всё это время держал мою. Едва заметно улыбнувшись в ответ на это, он обратился к вернувшемуся водителю:

– Виктор, мы теперь в Домодедово. Постарайтесь, пожалуйста, ехать ещё немного быстрее.

Попав в здание аэропорта, я растерялась от количества людей, сновавших туда-сюда с чемоданами и без. Миша тоже был немного дезориентирован: некоторое время он водил головой по сторонам, читая информацию на электронных табло, потом, наконец, увидел номер нужного окна и занял своё место в километровой очереди на регистрацию. У стойки, принимающей пассажиров первого класса, очереди не было – Дориан, оставив меня с коллегой, за пару минут оформил нас там и сдал багаж. Издали наблюдая за ним, Миша успел иронично прошептать мне на ухо:

– Учись, студентка! Вот как надо выпытывать подробности. То, что ты не можешь узнать у него уже четыре месяца, я вытянул за четыре минуты!.. Ну, конечно, серьёзный тип. Целеустремлённый, успешный и не понтуется этим. Мне он скорее нравится, чем нет, но диагноз я пока с него не снимаю. Продолжаем наблюдения, – подмигнув мне, он легонько подтолкнул меня вперёд. – Мягкой посадки!

– И тебе, Мишка!

До момента, пока я не увидела самолёт, я совершенно не волновалась. Мы спокойно прошли таможню, прогулялись по магазинам, посидели в кафе, дожидаясь посадки и непринуждённо болтая. Но едва ступив на трап, я вмиг ощутила лёгкое головокружение. В моей груди затрепетало приятное беспокойство, и я погрузилась в странное состояние нереальности. Медленно поднимаясь по ступенькам, я до сих пор до конца не верила, что вскоре мы оторвёмся от земли и будем с огромной скоростью прорезать пространство где-то высоко над облаками. Когда я пыталась представить себе эту картинку, она всё никак не укладывалась у меня в голове. Мне по-прежнему казалось, что всё это – красочный мечтательный сон, что я могу в любое мгновение проснуться, и счастье исчезнет, растворится, рассеется как утренний туман. В какой-то момент идущий сзади Дориан нежно взял меня за руку и спросил поддерживающим голосом:

– Анюта, как ты? Побаиваешься, наверное?

– Да, есть немного.

– Ничего, сейчас мы что-нибудь придумаем.

Усадив меня в просторное кожаное кресло, поближе к иллюминатору, он жестом подзывал стюардессу:

– Будьте любезны, девушка летит в первый раз, принесите ей чего-нибудь покрепче.

– Хорошо. А Вам?

– Яблочного сока.

Уже через полминуты нам принесли два бокала: один с яблочным фрешем, а второй – наполненный незнакомым резко-пахнущим коктейлем тёмно-коричневого цвета. Пить это неизвестное зелье мне не очень хотелось, но ещё меньше хотелось спорить с Дорианом и демонстрировать своё недоверие к его советам. Слушая, как другой бортпроводник непринуждённо рассказывает, буквально на всех языках мира, про технику безопасности, я задержала дыхание и одним залпом опрокинула в себя бурую жидкость. Мгновенье – и мысли уже поплыли куда-то прочь из моей головы, отдаваясь и теряя свою важность, а вместе с ними поплыла и я.

– Не знаю, что это было, но я, по-моему, уже жутко пьяна... – прошептала я, поворачиваясь к Дориану.

– Вот и хорошо, – потягивая сок, спокойно ответил он. – На, закуси конфеткой. Некоторые новые события лучше в первый раз встречать в таком состоянии, чем на трезвую голову. Иначе ты себе навидумываешь ужасов и будешь бояться через пару месяцев это повторить.

– Через пару месяцев?!

– Ты ведь не думаешь, что это твой первый и последний полёт? Я хотел бы систематически вывозить тебя отдыхать. Если не раз в два месяца, то хотя бы раз в три. С твоим работодателем, думаю, мы в этом вопросе договоримся.

Улыбнувшись в ответ (единственное, на что я к тому моменту была способна), я устала в иллюминатор и просидела так в полном отсутствии внутреннего диалога, наблюдая за пейзажами внизу, а позже – за облаками. В моих руках была жестяная баночка с цветными леденцами, которые нам любезно раздали перед взлётом, изредка я откручивала с неё крышку и клала в рот очередную порцию «закуски». Видя, что я успокоилась, Дориан не отвлекал меня и не пытался разговаривать. Он отрегулировал спинку своего кресла, откинув её назад, и сначала молча наблюдал за мной, а потом, потеряв бдительность, задремал. Наверное, он рано проснулся и успел устать за утро, занимаясь работой. Я впервые заметила за ним небольшую «слабость», и это меня приятно удивило, ведь раньше он представлялся мне неким механическим роботом, каждое движение которого было чётко выверено и находилось под тотальным контролем процессора-мозга. Я с радостью осознала, что он самый обычный человек, не идеальный, со своими плюсами и минусами. Пусть последние он пока мне не показывал, но однажды обязательно покажет, а я их беспрекословно приму. Волна тепла разлилась у меня в груди, и перед моим внутренним взором поплыл океан нескончаемых картинок нашего совместного светлого будущего.

Выйдя под руку с Дорианом из аэропорта, я поняла, что у меня странным образом выпали из памяти многие подробности, связанные с перелётом. Например, я не могла вспомнить, как застёгивала и расстёгивала ремень безопасности – может быть, за меня это делал Дориан. Я напрочь забыла, что мы кушали и пили, говорили ли мы о чём-то, и даже посещала ли я туалет. Я была немного смущена своей внезапной амнезией, но насыщенный влагой воздух Испании быстро меня отвлек от тщетных попыток воскресить прошлое.

– Как тут тяжело дышится! – удивилась я. – Совсем не то, что в Москве.

– Ты права, климат, конечно, отличается от московского, – согласился Дориан. – Но ничего, ты быстро привыкнешь, и через две недели тебе не захочется возвращаться. Сейчас нас встретит мой друг, про которого я тебе рассказывал, и подвезёт до отеля. Там ты приляжешь и немного отдохнёшь, а я в это время встречу Мишу, хорошо?

– С удовольствием отдохнула бы пару часиков! А владелец гостиницы лично нас встречает? Ничего себе...

– Да, вот как раз и он. Buenos días!⁶

⁶ Добрый день! (исп.)

– Hola!⁷

Они радостно пожали друг другу руки и всю дорогу активно обсуждали что-то на испанском, на котором Дориан, судя по всему, говорил так же свободно, как на родном языке. Смуглый мужчина лет сорока пяти, почти полностью седой, изредка поглядывал на меня и одобрительно кивал, слушая неторопливую речь Дориана. Они явно говорили обо мне, но я не понимала ни единого слова, поэтому могла только скромно пожимать плечами и улыбаться в ответ. Уже когда мы понимались в лифте на последний этаж гостиницы, Дориан упомянул вскользь, что рассказывал ему о моей профессии, об успешной защите диплома, и вообще о том, какая я молодец.

– Должен же я был тобой похвастаться, – с иронией к самому себе оправдался он, проводя карточкой по замку пентхауса. – Ты у меня и правда большая умница. Проходи, выбирай себе любую спальню и ложись. Если что-то понадобится, тут в каждой комнате есть телефон. Ты ведь знаешь английский?

– Так себе, но в ближайшее время мне ничего кроме сна не понадобится. Спасибо тебе!

– Хорошо. В любом случае, мой московский номер на связи, – с этими словами, чмокнув меня в щёку, он уехал обратно в аэропорт, а я отправилась на экскурсию по нашему огромному номеру. Я целенаправленно осмотрела все комнаты, не забыв про кухню и прачечную, и была приятно удивлена аккуратностью, чистотой и уютом, которые угадывались во всём, в любой мелочи интерьера. Мне понравились все три спальни, каждая была по-своему восхитительна, украшена в неповторимом стиле, но в итоге, поколебавшись, я остановила свой выбор на последней из них. Она приглянулась мне тем, что оказалась чуть меньше остальных и, к тому же, располагалась дальше всего от входа. После моей маленькой квартирке, кроме которой я в последнее время ничего не видела, я чувствовала себя немного дискомфортно в помещении таких масштабов, и мне по привычке захотелось забиться куда-нибудь в дальний угол, как маленькому дикому зверьку. Улыбнувшись самой себе, я задёрнула шторы, залезла под мягкое покрывало, взбила подушку, и, стоило мне только закрыть глаза, моментально выключилась.

Когда я проснулась, за широким окном отеля было темно, а часы мобильного показывали 2:15. Я удивлённо вскочила на кровати, потёрла глаза, а потом ещё раз посмотрела на экран телефона. Нет, мне это не показалось: я действительно проспала до глубокой ночи, целых одиннадцать часов! По понятной причине спать дальше мне категорически не хотелось, поэтому, переодевшись в свежую одежду, я пошла на поиски Миши и Дориана. Ребята, в отличие от меня, ещё не ложились: они сидели на открытой террасе, любуясь ночным морем, и потягивали минеральную воду из стеклянных бутылочек. На столике между ними стояла шахматная доска, игра была в самом разгаре.

– О, спящая красавица, ну слава Богу! – воскликнул Миша, увидев меня. – А я всё думаю, когда, наконец, она уже проснётся и спасёт меня от очередного шаха и мата! Дориан у нас, как выясняется, гроссмейстер, не иначе!

– Сама не знаю, что на меня нашло. Я же всего один коктейль выпила, не могла так сильно опьянеть...

– У тебя просто акклиматизация, – спокойно ответил Дориан, опрокидывая своим конём Мишиного ферзя. – Нормально, если первые несколько суток ты будешь постоянно спать. Организм адаптируется к новым погодным условиям. Шах.

Дориан играл чёрными фигурами, и их на доске к моему приходу осталось гораздо больше: он уже успел отобрать у Миши двух слонов, ладью и несколько пешек. Потеряв королеву, доктор и вовсе приуныл.

⁷ Привет! (исп.)

– А ты как долетел? – спросила я у него, садясь рядом.

– Вроде без приключений, хотя самолёт был так себе. Казалось, того и гляди развалится. Ну ничего, все живы и довольны. Мы с Дорианом уже успели немного прогуляться по пляжу и поужинать. Тут шикарно кормят!

– Анют, ты тоже, наверное, голодная. Сейчас я принесу меню, закажем тебе чего-нибудь. Шах и мат, – добавил он между делом, уходя в комнату.

– Ну вот, пожалуйста! Я шестой раз подряд оказался в дураках! – шутливо возмутился Миша и добавил шёпотом. – Он такой странный! Отказался со мной выпить за знакомство. Говорит, что совсем не пьёт, хотя таблетки никакие вроде не принимает, разве что тайком. Вот сидим, как идиоты, минералкой отмечаем начало отпуска.

– А чего тут странного? Может он придерживается здорового образа жизни?.. Я тоже не помню, чтобы он со мной когда-нибудь пил. Постоянно сок себе заказывал.

– Не знаю, по-моему, это нормальному человеку не свойственно, если только он не принимает лекарства и не за рулём. Я подумал, может он в туалете глотает какие-нибудь колёса?

– Мишка, какие колёса, ты что?

– Например, ноотропы, – на полном серьёзе ответил коллега. У него мозг варит ого-го! Я ни разу не смог выиграть.

– Разве такое только от колёс бывает?..

Он не успел ответить, так как в этот момент вернулся Дориан и обратился к Мише в продолжение их разговора:

– Не расстраивайся, я в детстве несколько лет ходил в шахматную школу, у меня был первый разряд. Потом забросил, но навык, как показывает практика, остался.

– Я тоже ходил в шахматный кружок, – машинально поспорил Миша, а потом спохватился и снова надел маску простофили. – Правда, разряд никакой мне так и не дали. Ладно, это всё мелочи, пойду-ка я спать, уже глаза закрываются. Каспаров, спасибо за компанию, было интересно поиграть! До утра!

Оставив нас в одиночестве, он поспешно удалился. Дориан же положил передо мной на столик раскрытое ресторанное меню, а сам встал за моей спиной, наклонившись вперёд, и принялся переводить на русский язык названия блюд. Я как всегда делала вид, что внимательно слушала, на самом же деле пропускала слова мимо ушей и краем глаза любовалась его профилем. В отличие от Миши, Дориан до сих пор не успел, или не захотел, переодеться в неофициальную одежду – он так и остался в строгой белой рубашке, только закатал вверх её рукава, обнажая напряжённые подтянутые мышцы предплечий. От него умопомрачительно пахло уже давно знакомой мне туалетной водой – обволакивающим шипровым ароматом, обожаемым мною до головокружения. В глазах, отражаясь, плескалось ночное море, или по крайней мере мне, влюблённой по самую макушку, так казалось. Наверное, в какой-то момент он заметил, что от меня не было отдачи, что я никак не реагировала на его рассказы о яствах испанской кухни, и тогда, склонившись ниже, он заглянул в моё лицо.

– Дориан, ты великолепный, – ляпнула я, повстречавшись с ним взглядом, и мгновенно залилась краской.

– Ты меня просто плохо знаешь, – отшутился он, но по его интонации я поняла, что мой неожиданный комплимент ему польстил. Его руки сцепились вокруг моей фигуры, и он крепко прижался ко мне сзади. Чувствуя, как поднимается и опускается от вдохов его грудная клетка, я впала в экстатическое состояние, меня даже немного передёрнуло от высшей степени возбуждения. Он прижался щекой к моим взлохмаченным от долгого сна кудрям, а я растроганно запустила руку в его волосы. Когда я начала гладить его по голове, с его губ слетел тихий, короткий стон:

– Ты так приятно это делаешь... – смущённо оправдался он за свою несдержанность. – Пожалуйста, продолжай...

После этих слов я окончательно забыла о голоде. Я мечтала только об одном – чтобы время хотя бы ненадолго замедлило свой ход и позволило нам остаться чуть дольше в тишине и нежности этой заморской ночи.

Глава 5. Королевское хладнокровие

За первую неделю нашего курортного отдыха я вдоволь отоспалась, чего мне не удавалось сделать на протяжении последних шести лет учёбы в университете, а также всласть наплескалась в море и назагоралась, превратившись в смуглую испаночку. Моё лицо, отражавшееся в зеркале, смотрелось свежим и бодрым, я, плюс ко всему прочему, отъела себе небольшие щёчки, полноценно трёхразово питаюсь со шведского стола. Я чувствовала себя прекрасно, напрочь позабыв о стрессах, атаковавших меня в столице, и навсегда распрощавшись с памятью о трудных этапах в жизни, которых за последнее время, как мне казалось, было у меня немало. Учёба, сессии, неудача в личной жизни, больницы, пациенты – всё это стало казаться далёким кошмарным сном, уже не вызывающим ни грамма страха.

К сожалению, в ситуации с Мишей, ради которого мы изначально и затеяли этот отпуск, всё было прямо наоборот. Получив в своё распоряжение гораздо большее количество свободного времени, он тратил его на прочтение книг и статей по психоанализу, которые в огромных объёмах скачивал себе на планшет, пользуясь бесплатным гостиничным вайфаем, а потом самозабвенно читал на пляже и пытался даже мне пересказывать. Разумеется, я отказывалась его слушать и каждый раз переводила тему, но он настойчиво возвращался к своему любимому коньку снова и снова:

– Коллега, а как вы думаете, – однажды спросил он, когда мы лежали у моря в шезлонгах. – Почему ваш благоверный ни разу не ходил с нами на пляж? Чем можно объяснить это его очередное девиантное поведение?

На самом деле, этот вопрос тоже меня интересовал. Дориан никогда не загорал с нами, ни утром, ни вечером, каждый раз говоря, что предпочёл бы лучше остаться в отеле и почитать новости.

Поначалу мы пытались уговорить его к нам присоединиться и буквально силком вытащить под палящее солнце, но все усилия оказались тщетны – мягко, и в то же время неотступно, он настаивал на своём. У меня вообще создалось впечатление, что он не сторонник пляжного отдыха: даже в отпуске он не позволял себе как следует расслабиться, надев шорты со шлёпками, вместо этого он продолжал носить строгие брюки и начищенные до блеска туфли. Я не заметила у него в гардеробе ни одной спортивной футболки, только рубашки всевозможных цветов и лёгкие пиджаки, которых, как выяснилось, он тоже взял с собой несколько. Казалось, что для него подобная форма одежды, да и в целом времяпрепровождения, была обыденной и не приносила какого-либо дискомфорта.

– Откуда же я знаю, – с опозданием ответила я Мише. – Не хочет загорать – пусть сидит в номере, это его дело.

– Но должно же быть этому какое-то адекватное объяснение.

– Хорошо, уговорил. Сейчас я открою тебе одну страшную тайну. На самом деле, Дориан – вампир, и солнечный свет его убивает, – зловеще прошептала я, отшучиваясь, а потом уже на полном серьёзе добавила. – Заканчивай везде искать подвохи. Позволь людям иметь свои особенности и предпочтения.

– Опять ты к мистике обращаешься, любительница сказок!.. Но, думаю, в этот раз ты недалеко ушла от истины. Наверное, у него существует проблема со здоровьем, при которой нежелательно долго находиться под солнечными лучами. Может он боится, что ему голову напечёт, и его расстройство обострится?

– Если таковое у него имеется. Диагноз твой, между прочим, ещё не подтверждён, коллега, – ехидно напомнила я ему. – Да и почему ты не думаешь, что тут всё гораздо проще. Может он не ходит на пляж, потому что не умеет плавать и ему стыдно в этом признаться?

– Конечно, бывает и такое. Однако сама посудит: владелец банка, выпускник Оксфорда, перфекционист, талантливый игрок в шахматы – и не умеет плавать?

– Должны же у него быть какие-то недостатки. А ещё, возможно, он не хочет видеть меня в купальнике, чтобы не возбуждаться и не показывать мне этого, ведь в плавках возбуждение труднее скрыть...

– Окей, твою позицию я понял. Я ещё подумаю, каким боком это можно совместить с его заболеванием, – Миша задумчиво потёр подбородок, всем своим видом показывая, что мои дальнейшие попытки его разубедить он проигнорирует. И я сдалась: промолчав, я выпила сока и перевернулась на спину, подставив вторую половину тела под жаркие волны ультрафиолета.

Кстати, о теле: во мне в последнее время происходили удивительные изменения. Я чувствовала, что я наконец-то смогла избавиться от хронического мышечного напряжения, благодаря этому я распрощалась с физической усталостью, стала активной, гибкой, пластичной. Солнце, море, сон и, самое главное, любовь – эти секретные алхимические ингредиенты, смешанные воедино, оздоравливали меня лучше любых медикаментов. По вечерам мы с Дорианом танцевали на местных пляжных дискотеках, но это были именно танцы в прямом смысле слова, а что касается интима – он держал своё обещание и больше не делал никаких намёков на него. Поначалу меня это радовало, однако чем ближе была дата вылета в Москву, тем чаще я вспоминала про нижнее бельё и презервативы, ждущие своего часа на дне чемодана. Я понимала, что теперь мне самой придётся проявить инициативу в этом вопросе, только вот как это сделать и, что более важно, как решиться это сделать – я пока не знала. Прижимаясь к нему всем своим силуэтом во время танца, я смущалась, краснела, меня бросало в жар, и я впадала в полубессознательное состояние, неспособная вымолвить ни единого слова. С Мишей я эту тему больше не обсуждала, да и вряд ли он посоветовал бы что-то дельное: с каждым днём я улавливала в его словах всё больше неприкрытого стремления к соперничеству с Дорианом. Коллега придирался к каждому его слову и действию, подвергая их открытому высмеиванию или, как он говорил мне, когда мы оставались наедине, практическому психоанализу.

– Дориан, а почему ты постоянно овощи жуёшь? – однажды с дотошным интересом спросил он за обедом. – Ты на диете что ли?

– Нет, диеты я не придерживаюсь. Я просто вегетарианец, – легко отозвался тот, чем, разумеется, вызвал дополнительную бурю эмоций у Миши:

– Вегетарианец?! Совсем мясо не ешь? Давно?

– Совсем, лет десять уже точно.

Вспомнив наши вечера в ресторане, я поняла, что он и правда ни разу не заказывал себе ничего мясного, но я почему-то не придавала этому значения, что, впрочем, вовсе не удивительно – находясь рядом с ним, я самозабвенно витала в облаках и не замечала ничего вокруг.

– Ну ничего себе! – тем временем Миша продолжал психоаналитический прессинг. – Бывает же такое! Это как Гитлер, что ли?

– Интересно, почему ты именно его вспомнил в первую очередь? Среди тех, кто отказывался от мяса, есть и другие известные личности, – Дориан отвечал невозмутимо, наверное, он уже далеко не в первый раз вступал в такую полемику и привык реагировать на провокации спокойно.

– Да так, просто к слову почему-то пришлось. Конечно, я знаю, ещё Лев Толстой, например.

– Тоже не самый лучший вариант, судя по дошедшим до нас рассказам о том, как он обращался со своими женщинами.

– Да, многие вегетарианцы, похоже, любили животных больше, чем людей. Интересно, а ты из каких соображений стал одним из них?

– Я за здоровое питание, мне не хочется употреблять внутрь химию, на которой выращивают скот. Да и в целом, если можно не убивать – то почему бы этого не делать? Я не хотел бы сознательно участвовать в этом.

– А может быть, причина на самом деле лежит глубже? Возможно, у тебя присутствует чрезмерный бессознательный страх собственной смерти, и убитое животное напоминает тебе об этом страхе? – не унимался коллега, при этом с показательным удовольствием вкушая куриную грудку.

– Миш, не забывай, мы не на работе, – вклинилась я. – Пусть бессознательное отдохнёт немного, пока мы в отпуске, ладно?

– Как скажете, дама, – он улыбнулся. – А что это вы свою рыбу не кушаете, расхотелось?

Я действительно отложила вилку после того, как услышала последние слова Дориана. Аппетит у меня моментально пропал. Во-первых, я задумалась над его словами об убийстве, потому что они звучали довольно трезво. Разумеется, мне тоже было жалко животных, отдавших свою и без того короткую жизнь, чтобы попасть к людям на стол, но в большей степени меня потревожило другое: я подумала, что Дориану, выросшему в Европе, где вегетарианство уже давно стало модным течением, наверняка было неприятно смотреть в мою тарелку. И хотя сам он никогда не поднимал со мной этой темы, выглядеть неэстетичной дикаркой в его глазах мне не хотелось.

Повинуясь внезапному импульсу, я пошла к шведскому столу и наложила себе варёной картошки с греческим салатом, чем вызвала задорный смех у Миши и едва сдерживаемую улыбку у Дориана.

– А что, Анна у нас – настоящая жена декабриста, ты разве не знал? – с юмором произнёс мой однокашник. – Пойдёт за своим мужчиной куда угодно. В наш век это большая редкость, не упусти свой шанс, парень!

– Сделаю всё, что в моих силах, – спокойно ответил Дориан, коснувшись моей руки. Он озадаченно посмотрел на меня, в его глазах читался немой вопрос: «Боже, как ты выдержала ежедневное общение с этим типом на протяжении целых шести лет?!» Согласна, когда мы разговаривали втроём, Миша частенько перегибал палку, играя во въедливого раздолбая. Изъясняясь так, будто его уровень айкью был не больше шестидесяти, он, наверное, пытался убедить Дориана, что при нём можно снять свою официальную маску и стать настоящим собой, но Дориан не спешил этого делать. И со мной, и с Мишей, он как всегда был сдержан, демонстрируя королевское хладнокровие, которое, возможно, и являлось его истинным лицом.

В тот же день, когда мы, как всегда без Дориана, отправились загорать на пляж, сокурсник сказал обеспокоенно:

– Знаешь, декабристка, я думаю, что должен внести уточнение в диагностическую картину.

– Опять ты за своё!

– Тебе интересно или нет узнать про него больше?

– Ну вообще-то интересно, конечно, – признала я.

– Тогда слушай, что я выяснил. Видя, как он избегает спиртного, мяса и солнечного света, я сперва подумал, что у него есть замашки ипохондрика и он одержим мыслями здорового образа жизни, но нет, это не так. Я видел по движению его глаз в момент моего вопроса – собственной смерти он не боится. Здесь явно что-то другое. Готов сделать ставку на то, что его навязчивые мысли, они же obsessions, связаны со страхом причинить вред своим близким. Ну, знаешь, бывает такое: пациенты боятся ненароком убить своего ребёнка, отравить родителей, зарезать мужа кухонным ножом и так далее. Конечно, в большинстве случаев до активных действий не доходит, но эти неконтролируемые намерения доставляют им много переживаний. Всегда возможно резкое ухудшение картины болезни, когда пациент из-за сильного

страха перед самим собой входит в состояние дереализации⁸, перестаёт понимать, кто он и где находится, и поэтому теряет способность к самоконтролю.

– Миш, знаешь, я уже говорила это, но повторю ещё раз. Мы много общаемся с Дорианом, и мне трудно поверить, что у него есть какое-то психическое отклонение. Наоборот, с каждым днём я всё больше восхищаюсь его способностью управлять своими эмоциями. Ты же тоже видишь, как он ведёт себя в диалогах – практически святой человек.

– Ха, это не более чем видимость.

– Давай, пожалуйста, закроем эту тему, иначе я приду к выводу, что ты говоришь всё это из ревности.

– Делать мне больше нечего, – показательно надулся Миша. – Ладно, я в принципе всё высказал, больше ничего добавить не смогу. Поэтому мы так и поступим – введём табу на эту тему. Но всё же запомни мои слова!

– Такое не забывается. Ты так часто говорил мне об этом, что теперь я до конца своих дней это запомню!

– Вот и славно. Предупреждён – значит, вооружён.

Жаркие безоблачные дни пенящимися морскими волнами уплывали всё дальше и дальше, безжалостно сменялись числа календаря, и каждая новая дата всё настойчивее напоминала о скорой необходимости отъезда. За вторую неделю отпуска так ничего и не поменялось существенным образом, разве что Миша стал поспокойнее: по вечерам он всё меньше штудировал научную литературу, чаще предпочитая ей пару рюмочек спиртного в местном пляжном баре. Я готова была поспорить, что ещё неделя-две, и он окончательно превратился бы в нормального человека, но, к сожалению, таким временем мы уже не располагали. До вылета оставались всего лишь сутки, на следующий день вечером мы снова должны были оторваться от земли, чтобы вернуться к своей серой московской жизни.

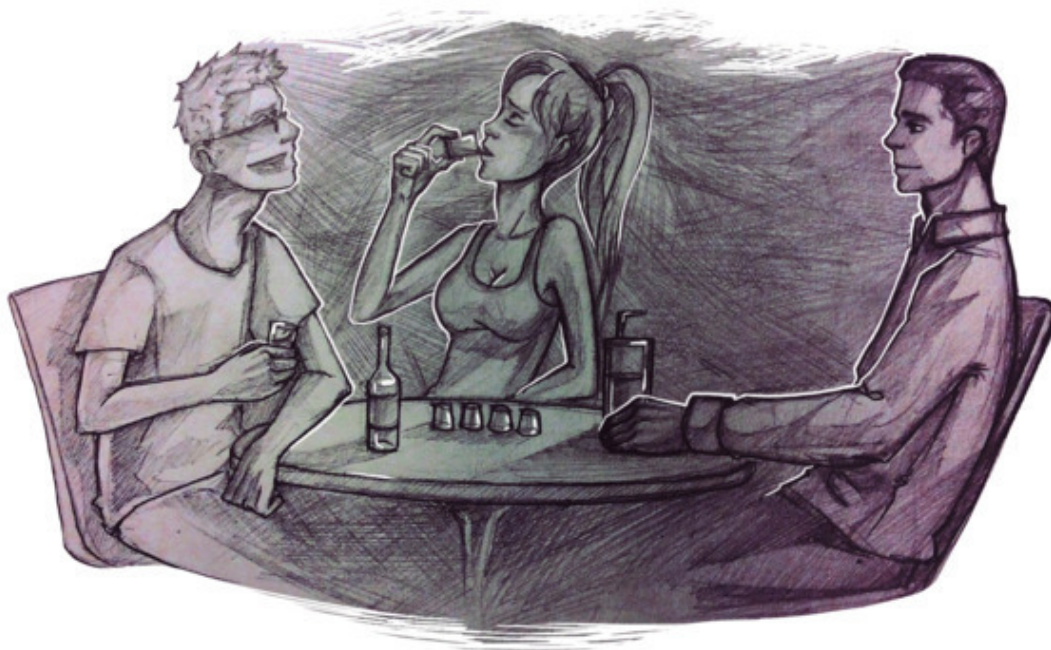
На самом деле, когда я вспоминала об этом, я с одной стороны радовалась, немного соскучившись по родной стране и русскому языку на её улицах, а с другой – моему расстройству не было предела: романтический план лишиться невинности в Испании, похоже, терпел крах. Как я ни старалась себя превозмочь, я так и не смогла заговорить с Дорианом об этом, не решилась ночью проскользнуть к нему в спальню или, наоборот, пригласить его к себе. Моей трусости не было конца и края и, задаваясь вопросом о том, как я могла бы хоть немножко её заглушить, я приходила к неутешительному выводу: похоже, мне для этого снова придётся напиться.

«Некоторые новые вещи лучше в первый раз переживать в таком состоянии, – вспоминались мне слова Дориана, – иначе ты запугаешь себя и будешь бояться это повторить». В общем, я пошла ва-банк. Последний вечер в Барселоне мы, по моей инициативе, все вместе отмечали в уже привычном для Миши баре. Дориан, разумеется, как всегда не выпил ни капли, предпочитая яблочный фреш, но компанию нам всё же составил и реагировал на наше пьянство очень спокойно.

Следуя совету Архангельского, успевшего изучить половину ассортимента бара, я остановила свой выбор на текиле. Я выпила одну стопку, потом вторую, третью – и невыразимо расстроилась, потому что на этот раз алкоголь почему-то не подействовал на меня так, как я ожидала. Меня по-прежнему съедали страхи, сковывало стеснение, и даже промелькнула мысль, что моя затея, наверняка, неудачная, но сдаваться было поздно – уже четвёртая доза напитка стояла передо мной на столе. Я запустила в рот дольку лимона и строго-настрого приказала себе продолжать пить до того момента, пока идея об интимной близости не перестанет

⁸ Дерезализация – нарушение восприятия реальности (иногда в совокупности с нарушениями памяти), при котором окружающие люди и предметы представляются отдаленными, ненастоящими, а действительность может восприниматься как сон.

меня пугать. К моей великой радости, Миша меня поддерживал: не отступая, он тоже активно заливал в себя мексиканскую водку, с каждым разом придумывая всё более нелепый тост.

Никогда не подумала бы, что алкоголь может быть таким коварным. Притворившись, что он бессилен в отношении меня, он дождался того момента, когда я окончательно в нём разувверюсь, и внезапно заявил о себе. Стоило мне потерять бдительность и смириться с невозможностью опьянеть, текила в одночасье пробила мне пенальти прямым ударом в голову. Только подействовала она вовсе не так, как я предполагала – я и думать забыла о страхах, но и о сексе я тоже запамятовала. Вместо романтического настроения на меня снизошла непреодолимая страсть к активному отдыху, которая показалась мне абсолютно логичной и обоснованной:

– Ребята, представляете, а ведь мы завтра улетим и больше не увидим море!.. Я так хочу ещё поплавать напоследок! Айда со мной! – вдруг выдала я. В следующий миг я вскочила

с места и с неизвестно откуда взявшейся акробатической ловкостью перемахнула через метровое ограждение бара. Спрыгнув на пляж, я по-детски непринуждённо поскакала к воде.

Мужчины, надо отдать им должное, среагировали очень оперативно: Миша, для которого, как и для меня, преград и барьеров больше не существовало, мгновенно прыгнул следом за мной и побежал догонять нерадивую сокурсницу. Дориан же, будучи трезвым и потому цивилизованным человеком, быстрым шагом пошёл к пляжу в обход по дороге.

Войдя в воду по колени, я повернулась к ним, расставила руки в стороны и крикнула радостно:

– Тут ещё так тепло! Присоединяйтесь!

На самом деле я отдалённо чувствовала прохладу вечерних волн, но внутренний жар перекрывал дискомфорт от этого ощущения – градус бурлил у меня в крови и толкал на отчаянные подвиги. Опрокинувшись на спину, я беспорядочным кролем поплыла прочь от пляжа под тщетные Мишины попытки криками воззвать меня к осознанности. Поняв, что дискутировать со мной в таком состоянии бесполезно, коллега обратился к Дориану:

– Посмотри, что она творит! Ей же нельзя сейчас плавать! – проговорив это заплетаясь языком, он хотел было ринуться в морскую пучину следом за мной, но Дориан придержал его за плечо:

– Постой, тебе тоже нельзя. Подожди нас тут, – сняв пиджак, он вручил его Мише, а сам, недолго думая, разбежался и прыгнул в море.

Как выяснилось, Дориан всё же умел плавать, причём делал это мастерски: молниеносно, за считанные секунды, он поравнялся со мной, обхватил меня одной рукой и потащил моё вяло сопротивляющееся тело к берегу. Брыкаясь всеми четырьмя конечностями, я пыталась дать ему понять, что была отличной пловчихой и полностью держала ситуацию под контролем, более того – шла на новый рекорд, пока он не помешал мне. Но на самом деле Дориан подоспел очень вовремя: к тому моменту, как он приподнял меня над поверхностью воды, я уже успела наглотаться солёного моря и чуть было не отправилась ко дну.

Ступив на сушу, я с трудом удержала равновесие – меня шатало так, будто я по-прежнему колыхалась на прибрежных волнах. Внезапно мне стало холодно, что неудивительно, ведь я оказалась насквозь мокрой – с моего платья, прилипшего к телу, буквально водопадом стекала вода. Я была абсолютно дезориентированной и беспомощной, а мои спасители не торопились мне помогать, замерев как вкопанные. Широкими глазами они, будучи не в силах отвести взора, уставились на моё трясущееся, просвечивающееся через белый сарафан тело. Очень вовремя я вспомнила, что в тот вечер решила не надевать вниз купальника или лифчика, и теперь мои вставшие от холода соски, на радость всему пляжу, нескромно красовались перед случайными зрителями. Мне казалось, что эта немая сцена продолжалась целую вечность: глазами, полными вожеления, Миша и Дориан смотрели на них, словно парализованные колдовскими чарами.

Наконец Дориан всё же мотнул головой, прогоняя кататонический ступор, забрал у стоящего как изваяние Миши свой пиджак и набросил его мне на плечи, прикрывая стыдобу:

– Анюта, пойдём в номер, – сказал он, приобняв меня. – Тебе нужно согреться и отдохнуть.

Мне ничего не оставалось, кроме как с ним согласиться. До отеля мы ковыляли будто три калеки, прихрамывая, каждый по своей причине: я – потому что потеряла в море одну босоножку, Дориан – потому что в его туфлях хлюпала вода, Миша – просто из-за сильного опьянения. Однако это были ещё цветочки, мы, хоть и ползли черепашьями шажками, по крайней мере могли двигаться линейно. Стоило же нам оказаться в душном фойе отеля, нас моментально развезло по самое не-могу, и только тогда до меня с запозданием дошло, что мы в тот вечер хватили лишнего. Моя голова закружилась, и меня неконтролируемо понесло куда-то

влево, а Миша со словами «Ой как мне нехорошо, ай нид ё хелп»⁹ подался вправо. К счастью, Дориан был начеку и не дал нам обоим далеко разойтись или распластаться на полу. Одной рукой подхватив меня, а другой – Мишу, он с отцовской заботой запихнул нас в лифт и в сохранности доставил до номера.

– Ты сам справишься дальше? – вталкивая коллегу в его спальню, спросил он. – Ещё какая-то помощь нужна? Тебя не тошнит?

– Не-не, комрад¹⁰, – пробормотал Миша, падая, в чём был, на кровать. – Сэнкью вери мач, гуднайт!¹¹

В моей спальне Дориан аккуратно посадил меня на кресло и с нежностью напомнил:

– Милая, тебе нужно переодеться. Обязательно надень что-нибудь потеплее и ложись отдыхать. Если почувствуешь себя хуже – смело буди меня, хорошо?

И тут я, надо сказать, очень вовремя вспомнила о цели, которую ставила перед собой в начале вечера. Переживая, что зря наклюкалась до состояния поросычьего визга, я поспешно его удержала:

– Подожди, Дориан... эээ... Ты что, сейчас просто возьмёшь и уйдёшь спать?

– Да, честно говоря, я так и планировал сделать.

– А как же секс? Неужели ты совсем меня не хочешь?! – с этим криком души я скинула с плеч пиджак, стянула через голову своё мокрое платье и предстала перед ним в одних трусиках, тем самым наглядно иллюстрируя серьёзность своих намерений.

Его глаза заметно расширились, как у голодного ребёнка, увидевшего огромный торт с кремом. Хотя он и не пил ни грамма, его в этот момент тоже повело в сторону – схватившись за косяк двери, он сначала не мог подобрать слов, но потом всё же взял себя в руки:

– Анюта, тебе сейчас нужно поспать, – с придыханием ответил он.

– Я просто не нравлюсь тебе – так и сказал бы! Почему ты за весь отпуск до сих пор не трахнул меня? Я некрасивая, да?.. – я зарыдала, вытирая лицо своим же платьем.

– Но ведь мы договорились, что... Хотя, это сейчас не так важно. Анечка, ты в высшей степени красива, – он осторожно подошёл ко мне, опустился на колени и дотронулся ладонью до моей щеки. – Послушай меня, пожалуйста, у тебя замечательное тело, я с титаническим трудом заставляю себя смотреть тебе в глаза, а не на твои прекрасные изгибы. Но, пойми меня правильно, я считаю, что сейчас – неподходящее не время для интимного контакта. Тебе нужно отдохнуть, ты сильно пьяна. Я хочу, чтобы наше сближение было осознанным для нас обоих, чтобы оно было обоюдным, трезвым решением, и чтобы мы оба его запомнили во всех мелочах. Договорились?.. Анют?

У меня всё ещё не получалось унять слёзы до конца, но я понимающе кивала, слушая его. Конечно, он был прав, как и всегда: я вела себя ужасно и едва ли могла в таком виде вызывать влечение. Из моего шкафа Дориан достал пижаму и помог мне её надеть, потом уложил меня в кровать, накрыл одеялом, отрегулировал кондиционер и вышел из комнаты. Мне ничего не оставалось, кроме как опустить голову на подушку и упасть в пучину глубокого крошечного сна.

⁹ I need your help (англ.) – Мне нужна твоя помощь.

¹⁰ Comrade (англ.) – товарищ.

¹¹ Thank you very much, goodnight (англ.) – Большое спасибо, спокойной ночи.

Глава 6. Дьявол в глубинах его души

Утром, вместо будильника, меня подняла головная боль. Лоб и виски трещали с такой силой, что я собралась было срочно бежать к администратору в поисках аптечки, но, вспомнив обрывки вчерашнего вечера, застыла на месте. Мои уши ощутимо загорелись, мне стало невыносимо стыдно за своё ночное стрип-шоу перед Дорианом, и я не знала, как теперь смотреть ему в глаза. Я так и лежала в своей постели, не решаясь выйти в свет, до тех пор, пока не услышала приближающиеся шаги. И даже тогда я не придумала ничего умнее, кроме как накрыться с головой одеялом и притвориться спящей.

– Анечка, доброе утро, – шепнул мне Дориан, тихо войдя в комнату. Он приоткрыл моё лицо, стянув в сторону одеяло, и ласково спросил. – Как ты себя чувствуешь?

– Привет... – тоже прошептала я в ответ. То ли от стыда, то ли от раскалывающейся головы я не могла говорить громче. – Мне бы таблетку от боли...

– Вот, я принёс, – он протянул мне заранее заготовленную бутылку минеральной воды и анальгетик. – Пойдёшь с нами завтракать или полежишь ещё? Твой друг уже опустошил весь безалкогольный запас мини-бара и убежал за добавкой в ресторан.

– Да, пойдём его искать. Надо расшевелиться, сегодня же мы тут последний день.

– Отлично. Только плавать я тебя больше не отпущу, – засмеялся Дориан, а я, вспомнив ещё один отрывок отвязного вечера, втянула шею в плечи. – Ладно, не переживай, с кем не бывает. Мне показалось, что ты много выпила, но я не стал тебя останавливать, хотел позволить тебе как следует оттянуться напоследок.

– Ой, лучше бы ты меня остановил, – простонала я с иронией к самой себе, мои дрожащие пальцы отчаянно растирали лоб. Дориан вдруг положил раскрытую ладонь мне на шею и начал массировать позвонки. Потом присоединилась и вторая рука – он делал мне массаж прямо через пижаму, прощупывая какие-то секретные точки и пытаюсь наладить кровообращение, а я, моментально забыв о боли, довольно улыбалась. Пожалуй, прикосновения его рук действовали быстрее и эффективнее, чем анальгин и аспирин вместе взятые.

– Дориан, ты настоящий целитель! – проговорила я удивлённо. – Мне действительно помогает. Ты где-то учился массажу?

– Немного, но только на любительском уровне.

– У тебя здорово получается!

– Ерунда. Через час я вызову тебе врача, если не станет лучше. А сейчас пойдём немного покушаем.

Этим утром коллега, впервые за весь отпуск, тоже завтракал по-вегетариански: на столе перед ним стояли две пол-литровые бутылки минералки, одна уже пустая, и тарелка с сиротливо лежащим на ней апельсином. Обхватив взъерошенную голову обеими руками, Миша тихо ныл и время от времени в очередной раз обещал самому себе, что больше никогда не будет пить. От таблетки, предложенной ему Дорианом, он гордо отказался и героически терпел похмельные муки. Несмотря на то, что моя голова больше не болела, морально мне было не намного лучше – от мук совести, которые изводили меня с каждой минутой всё сильнее, лекарства пока не изобрели. Из моего подсознания, одна за другой, всплывали подробности вчерашних походов, и я всё больше сжималась, чувствуя, как ко мне возвращаются привычные мышечные блоки. Мне хотелось поскорее оправдаться перед Дорианом, и, если бы он спросил о том, что послужило реальной причиной моему непристойному поведению, я бы тут же ему всё рассказала, но он, как назло, молчал. Вместо этого он хрустел зелёным яблоком и с интересом читал что-то с экрана макбука, не обращая внимания на страждущих товарищей. Казалось, он хотел найти какую-то информацию, щёлкая по разным сайтам, предложен-

ным ему поисковой системой. Наконец, он нарушил тишину, решительно захлопнув крышку, и обратился к нам:

– Чем вы планируете заняться? От себя я предложил бы культурный досуг.

– Сегодня?! – удивилась я. – Но у нас же сегодня вылет!

– Почему бы и нет? Сейчас всего одиннадцать утра, а рейс в десять вечера – у нас в запасе масса времени. На протяжении всех этих двух недель была отличная погода для купания, и я не успел показать вам город. Но сегодня я, пожалуй, не подпущу вас к морю, – ещё раз повторил он, иронично покосившись на меня. – Можно съездить на смотровую площадку и хотя бы издали взглянуть на Барселону. Я нашёл экскурсию к Храму Святого Сердца, он стоит на горе, и оттуда открывается изумительный вид. Языковое сопровождение, правда, будет англоязычным, но я согласен стать вашим гидом. Что думаете?

– Нет, я пас, – со стоном ответил Миша. – Я сегодня отлёживаюсь, мне один строгий доктор рекомендовал постельный режим.

– Что за доктор? – с чувством юмора у меня в то утро было неважно, и его шутка до меня дошла не сразу.

– Я сам, разумеется. Так что, Дориан, извини, я не могу послушаться такого авторитетного специалиста. А вы с декабристкой скатайтесь, она наверняка не откажет, роль у неё такая...

Удивительно, но, даже находясь в полуживом от головной боли состоянии, Архангельский всё равно умудрялся язвить, машинально продолжая подкалывать Дориана, а заодно и меня. Подмигнув мне, он медленно поднялся из-за стола, пожелал нам отличной поездки и буквально уполз в номер, оставив недоеденным свой апельсин.

– Как ты себя чувствуешь, милая? – спросил у меня Дориан меняющимся, понежневшим голосом, стоило Мише уйти. – Может действительно тебе лучше полежать? Как голова?

– Давай съездим, я с удовольствием посмотрю на этот храм. Ты много рассказывал об архитектуре, а мы так ничего и не увидели здесь. Голова уже не болит, только кружится немного, но это пустяки.

– Тогда на автобусе вместе с экскурсией мы не поедem. Я вызову такси, и нас подвезут туда в более комфортных условиях. Будем ходить по минимуму, чтобы тебя не перенапрягать. Там наверху уже присоединимся к экскурсии, если повезёт и будет желание.

– Хорошо, милый. Спасибо тебе за твоё терпение! – меня действительно очень растрогало то, с каким великодушием он простил мне мои вызывающие выходки, сделав вид, что ничего особенного не произошло. Позавтракав, мы отправились в номер и собрали чемоданы на тот случай, если загуляем и вернёмся поздно, а потом за нами приехал просторный автомобиль бизнес-класса и увёз на спонтанно организованную экскурсию в горы.

Католический храм поразил меня, с одной стороны, торжественным величием пиков, устремлённых вверх к небесам и солнцу, а с другой – мрачной глубиной отбрасываемых вниз острых теней. У меня создавалось двойное впечатление от созерцания этого шедевра готической архитектуры: одновременно и лёгкое – возвышенное, и тяжелое – прибывающее к земле и не дающее полноценно вздохнуть. Как изумительно точно с помощью своих построек европейские зодчие смогли передать всю суть философского понятия о дуальности и показать прямую связь между добром и злом: чем больше человек стремится своими мыслями к свету, тем шире становится метафорическая тень, погружающая во тьму землю, на которой он стоит. Чем выше он тянется к богу, тем сильнее разрастается дьявол в глубинах его души. Или можно по Фрейдю: чем активнее работает прилежное, воспитанное, показательное правильное сознание человека, тем более извращённые, гадкие, асоциальные идеи варятся в его бессознательном, готовясь в один прекрасный миг излиться наружу...

– Анюта, о чём ты задумалась? – Дориан, взяв меня за руку, решительно прервал мой поток рассуждений.

– Трудно объяснить... Смотрю по сторонам, и в голову приходят мысли о том, как неизбежна гармония во всём, что нас окружает. Этот храм настолько прекрасный, насколько он устрашающий. И благодаря этому он глубоко западает в сердце. Тут очень красиво. Спасибо, что привёз меня сюда! Я хотела бы зайти внутрь, ты не против?

Дориан посмотрел на меня с неприкрытым удивлением во взгляде:

– Ты уверена, что это будет тебе интересно? Там наверняка сейчас идёт служба. Может быть, лучше прогуляемся по парку аттракционов?

– Конечно мне интересно! Я не буду больше буянить, честное слово! Просто тихо зайдём, посмотримся, поставим свечки... Правда я православная христианка, но ты ведь католик?

– Да, – после паузы ответил он. – Однако я вовсе не склонен к религиозности и очень редко хожу в церковь.

– Дориан, давай заглянем хотя бы на пару минут, ну пожалуйста! – взмолилась я, видя его скептическое отношение к моей идее.

– Хорошо, если ты настаиваешь.

Он пропустил меня вперёд, и мы попали в слабоосвещённый зал с высокими потолками, алтарём и деревянными скамьями справа и слева от входа. Тут не было большого количества золота или шелков, внутреннее убранство оказалось скромным и в достаточной мере мрачным, в лучших традициях готического стиля. До нас доносились едва слышные звуки службы, которая, видимо, проходила в другом помещении огромного храма. Присев на скамейку, я какое-то время крутила головой, рассматривая изображения святых и цветные витражи на окнах, а потом покосилась на Дориана, внимательно наблюдая за выражением его лица. Когда он пытался отговорить меня от посещения церкви, мне вспомнился наш с Мишей шуточный разговор про вампиров, и теперь я с интересом ждала реакцию графа Дракулы, против воли соприкоснувшегося с христианской атмосферой. Вопреки моим ожиданиям, он вёл себя крайне спокойно, возможно ему было скучно, но не более того. Да, судя по всему, он был отъявленным атеистом – не впечатлялся божественным, но и не испытывал страха перед ним. Подтверждая мои догадки, он зевнул и напомнил тихим голосом:

– Ты, кажется, хотела свечки зажечь? – с этими словами он запустил руку в карман и протянул мне горстку железных евро.

– А где они продаются?

– Видишь вон там прозрачный короб на подставке? Тебя это, наверное, немного ошеломит. Свечи тут электрические.

Он остался сидеть на лавке, а я с удивлением подошла к ящику для пожертвований и установилась на чудо техники. Под квадратным куполом располагалось несколько рядов лампочек, оформленных в виде белых свечек, шесть из них уже горели, остальные ждали, пока их кто-нибудь зажжёт. Я бросила монетку в предназначенное для этого отверстие, и включился ещё один огонёк. Поначалу я смутилась – этот процесс был похож скорее на развлечение, чем на обращение к богу. Я задумчиво перебирала в руке остальные евро, напрочь забыв, о чём хотела попросить у всевышнего. Дориан вдалеке делал вид, что чешет нос, но на самом деле он втайне смеялся над моей реакцией. Отступить было некуда. Я оптом загадала несколько желаний, обратившись к фигуре Иисуса, висящей над алтарём, и методично, одну за одной, опустила в щель всю остальную мелочь.

– Какую иллюминацию ты там устроила, красота! – иронично произнёс Дориан, когда мы вышли на улицу. – Теперь ты знаешь, что такое католицизм. Современный стиль и практичность в одном флаконе. Матерь Божья, прости мне мою дерзость.

Он повернулся к храму и перекрестился, как и полагалось ему по вероисповеданию, слева направо. Я так и не поняла, исходил ли этот жест из сердца или же он являлся не более чем саркастичным продолжением высказывания.

– И ты меня прости за то, что позволил себе немного покривляться, – в следующую секунду он притянул меня к себе и обнял. – В детстве отец буквально заставлял меня ходить в воскресную школу. Меня это скорее угнетало, чем приближало к богу, как и многих детей, которым пытались насильно вживить протез веры. Когда я вырос, я не мог без отвращения смотреть на католическую символику. Моя мать, так как она выросла в России, была православной христианкой и искренне стремилась к богу, особенно в последние годы своей жизни. Я понимаю, что для неё это важно, поэтому в Москве я иногда езжу в храм, чтобы заказать ей службу, и ставлю свечи за упокой. Реальные, восковые свечи. А эти суррогаты я не приемлю, так же, как и ты. Давай сядем в кафе, скушаем по парочке маффинов? Нам обоим не помешает отвлечься.

– Извини меня, наверное, я зря потащила тебя туда, только испортила настроение...

– Всё в порядке. Нужно же было осмотреть достопримечательность. Кстати, а вот и экскурсия нагрянула. Сейчас немного перекусим и присоединимся к ним.

Спустя полчаса мы, вместе с группой туристов из Америки, стояли на смотровой площадке и слушали в исполнении экскурсовода легенду о названии горы. Вернее, туристы и Дориан внимали рассказу гида, а я – синхронному русскоязычному переводу, который давался англичанину-полукровке легко и без видимых на то усилий:

– Название горы «Тибидабо» с латинского можно интерпретировать как «Тебе даю», именно эту фразу, согласно Евангелию, произнёс сатана, обращаясь к Иисусу Христу, когда они вместе стояли на пике горы и смотрели из этой точки на открывающуюся как на ладони Барселону. Сатана пытался искушить Спасителя красотами мира, тем самым пробудив в нём жажду власти, желание ступить на сторону обладания и зла, но потерпел поражение. На вершине Храма Святого Сердца мы и по сей день можем наблюдать силуэт Христа, который, раскинув руки в стороны, наслаждается прекрасным видом, но не поддаётся дьявольским искушениям... Что поделать, опять мы о библейских мотивах заговорили, но из песни слов не выкинешь, – добавил он от себя.

Туристы вдохновились легендой и начали задавать гиду свои вопросы, Дориан тоже включился в дискуссию – о чём-то поинтересовался у экскурсовода, а потом ещё и вступил в полемику с одним из американцев, вежливо объясняя свою точку зрения по неизвестной мне тематике. В их споре я ровным счётом ничего не понимала, но мне занятно было подметить, насколько сильно могут отличаться акценты произношения двух англоговорящих людей, выросших в разных странах. Американец говорил заметно быстрее, при этом съедая некоторые слоги, будто у него за щеками были орехи, которые он одновременно с разговором грыз – почти как «окающий» человек из российской глубинки. Речь Дориана звучала заметно медленнее, он с дотошной чёткостью очерчивал границы слов, проговаривая каждую букву, и делал более длинные паузы между предложениями. Для американцев, наверное, такая манера разговора казалась чопорной, но собеседник ничем не выдавал своего неодобрения, только располагаясь улыбался, слушая идеально правильную английскую речь. Обменявшись точками зрения, они пожали друг другу руки, зачем-то представились по имени и фамилии, но вскоре разошлись, оставшись каждый при своём мнении.

Когда группа туристов отдалилась, Дориан шуточно раскинул в стороны руки, пародируя статую Спасителя, а потом обнял меня со спины. Развернувшись вместе со мной к панораме города, он продолжил уже от своего лица повествовать во всех подробностях о других достопримечательностях, которые были видны с горы. Надо сказать, он зря старался, описывая всё в мельчайших деталях – я снова не слушала его рассказа, полностью увлечённая романтикой этой сцены. Мне было так уютно и легко с ним рядом, что слова тут были излишними. Моя душа буквально порхала от эйфорических чувств, которые каждый раз накатывали на меня, когда он был так близко, а очаровательная Барселона, утопая в мягком вечернем свете, дур-

манила мою и без того плохо соображающую голову ещё сильнее. Я тонула в благодати этого момента и забывалась во времени.

– Это непередаваемо красивые места, мы обязательно побываем там, когда прилетим сюда в следующий раз, – подводя итог, пообещал он. – Например, осенью, когда будет меньше туристов и море остынет. Как ты себя чувствуешь? Я тебя не загрузил информацией?

– Нет, что ты, мне было очень интересно столько всего узнать. Знаешь, Дориан, я хотела тебе кое в чём признаться, это для меня очень важно.

Да, момент прекрасно подходил для откровенной беседы: расслабившись в его объятиях, я как по волшебству позабыла о страхах и, пользуясь этой временной храбростью, сама начала трудный разговор:

– Мне так стыдно за то, как ужасно я себя вела с тобой вчера...

– Анюта, не переживай об этом. Я уже всё забыл. А в чём признаться?

– Я не хотела столько пить, я вообще не очень люблю алкоголь, особенно крепкий, но я пошла на это умышленно.

– Так, продолжай, – с интересом поддержал меня он. Возможно, в этот момент он начал о чём-то догадываться, и это меня немного смутило. Мой голос начал подрагивать, но давать задний ход было уже поздно:

– Я хотела как-то намекнуть тебе на интимную близость, я ведь помнила наш с тобой уговор, но стеснялась ещё раз открыть эту тему, отчасти потому что у меня никогда ещё не было мужчины. Зато у меня было очень много переживаний на тему секса, вот я и попыталась заглушить их алкоголем. Я думала, что получится как с самолётом – что это поможет пережить пугающий опыт быстро и безболезненно. Четыре года назад я встречалась с мальчиком, но так и не смогла с ним переспать, и в итоге он меня бросил из-за этого. Даже не знаю, что ещё добавить, я, наверное, просто очень боюсь потерять тебя...

Выпалив чистосердечное признание, я почувствовала, как покраснели мои щёки, шея, уши. Я поспешила опустить голову, чтобы не показывать этого, но Дориан развернул меня к себе и, коснувшись пальцем подбородка, приподнял моё лицо. Его выразительные брови вздёрнулись в удивлении:

– Анюта, неужели ты хочешь сказать, что передо мной сейчас стоит уникальный экземпляр девушки, сохранившей к двадцати двум годам своё целомудрие?.. Ох, ты не представляешь, как я рад, что вчера не повёлся на твою провокацию!

– Это плохо? – от его слов я смутилась ещё больше. – То, что я девственница?

– Наоборот, конечно же, это хорошо. Я непередаваемо тронут и твоей искренностью, и твоей чистотой. Ну-ка, иди сюда, – он прижал меня к своей груди и продолжил. – Милая, ни о чём не переживай, я не вижу тут никакой проблемы. Мы обязательно приступим к решению этого вопроса чуть позже, когда ты поймёшь, что действительно пора. Тебя не должен подталкивать к этому страх расставания или, ещё хуже, алкоголь. Понимаешь, в этом деле нельзя спешить. Ты должна почувствовать особое томное тепло вот тут, внизу своего живота, и понять, что у тебя не получится отвлечься от этого ощущения или прогнать его чем-то, помимо интимной близости. Вот тогда ты будешь готова. А пока ты пугаешься и зажимаешься – ты не испытываешь ни грамма удовольствия, будь твой мужчина хоть трижды донжуан. Ты забываешь о самой сути занятия любовью. Тебе дано такое прекрасное тело не для того, чтобы с помощью него удерживать рядом похотливых мужчин. Оно дано тебе для наслаждения.

Ощущая его пальцы, плотно прижатые к моему животу, я действительно почувствовала несмелое тепло и щекотание в этом месте, о чём тут же ему и сообщила.

– Очень хорошо, – хрипло промурлыкал он мне на ухо. – Свыкнись с ним несколько дней, сколько понадобится, пока не осознаешь, что оно не исчезает, а наоборот только усиливается. И тогда мы с тобой вернёмся к этой теме, договорились?

– Конечно...

Я чуть запрокинула голову назад, растроганно улыбаясь, а он с видимым удовольствием поцеловал меня в шею. Его язык без смущения скользил по моей коже, он со вкусом лизал меня как заморский леденец, как редчайшее, и потому крайне желанное, лакомство, а я медленно и пока ещё несмело плавилась в его руках. Мне кажется, именно в этот момент был заложен первый кирпичик в формировании моей готовности к сексу, хотя я ещё не осознавала этого до конца. Мои чувства просто плыли по течению в лодке без вёсел и не знали, где окажутся в следующую секунду, но это ничуть их, да и меня тоже, не смущало. Похоже, я вышла в океан любви, а в этом случае абсолютно не имело значения, в какую сторону несут меня волны: везде, в любой его части, я буду в полной безопасности.

Глава 7. Я иду в красную комнату

Через несколько часов мы сидели в самолёте, и я с интересом созерцала яркие огни взлётной полосы. На этот раз я не испытывала ни капли страха – моя увлечённость Дорианом после нашей поездки в храм достигла апогея и уничтожила все остальные эмоции, подмяла их под себя и поглотила. Я не могла думать ни о чём и, тем более, ни о ком другом. Даже во время взлёта, когда в груди захватывало дух, мне казалось, что причина тому – внезапно пленившая меня любовь.

Держа мою руку, Дориан изредка подбадривающе мне улыбался и рассказывал что-то интересное, однако как всегда полностью игнорируемое мной. В другие моменты мне по обыкновению стало бы стыдно за свою рассеянность, но сейчас я честно наслаждалась своим состоянием, ничуть не смущаясь. Всё вокруг меня исключительно забавляло, веселило, впечатляло. Наверное, даже если бы наш самолёт потерпел крушение, я бы тоже восприняла это радостно и с детским энтузиазмом. Видимо, страх смерти возникает только в том случае, когда жизнь неустроена, неналажена, когда она тяготит или раздражает. А если все проблемы решаются – тогда, как говорится, «и умереть не страшно».

На этот раз мы вылетели минут на сорок позже Миши, поэтому к тому моменту, когда мы обнаружили его в домодедовском кафе, он уже успел получить багаж, плотно поужинать (судя по количеству использованной посуды рядом с ним), выпить кофе и даже скачать на свой планшет какую-то очередную научную работу. Впрочем, почитывал он её без особого энтузиазма, довольно лениво, и крайне обрадовался нашему прибытию:

– Вот вы где, перелётные птички! Я уже заскучал тут один. И спать хочется.

– Водитель уже приехал, встречает нас на парковке у выхода, – спокойно ответил Дориан. – Сейчас быстро тебя подбросим, дороги ночью пустые.

Мы и правда долетели очень быстро – наверное, за каких-то двадцать минут, но Миша и в такие сжатые сроки снова успел отыграть полноценный концерт на нервах у своего подопытного:

– Кстати, Дориан, – с невинным видом начал он, – а вот я хотел у тебя спросить кое-что, но постоянно забывал. Ты был когда-нибудь женат?

– Нет, я не женат и никогда не был, – заученно ответил он, надеясь, что на этом собеседник от него отвяжется, однако не тут-то было. Психоаналитическое нападение только начиналось:

– Неужто ни разу?! А что тебе помешало? Ты молодой, харизматичный, обеспеченный юноша с хорошей родословной. Неужели ты даже никогда не был обручён?

Я заметила, что Дориан занервничал, как и ранее, в самом начале наших отношений, когда я осмелилась поднять с ним эту деликатную тему. Его брови снова нахмурились, по выражению лица я поняла, что он не хотел бы давать каких-либо интервью о своей личной жизни, а тем более такому заносчивому репортёру, в роли которого выступал новоиспечённый последователь Фрейда.

– Миш, – я мягко прервала их разговор, пытаясь разрядить обстановку. – Ну зачем нам сейчас этот экскурс в прошлое? Прошлое должно быть прощено и забыто, разве нет? Может, не следует тревожить былые воспоминания? У каждого из нас есть что-то, о чём не хочется помнить...

– Нет, отчего же. Опыт прошлого очень важен, особенно если мы не хотим повторять прежних ошибок. Или не хотим, чтобы с нами их повторяли.

– Всё в порядке, Анют. Да, Миша, я был обручён однажды. Прошло уже почти девять лет с тех пор.

– Вы обручились, а что случилось потом? Почему дело не пришло к свадьбе, кто «сломался» раньше времени, ты или она?

Дориан несколько секунд молчал, а потом ответил с заметным натяжением в голосе:

– Мы оба сломались. Каждый по-своему.

– Да, так обычно и бывает, в расставании виноваты оба. Но всё же, как ты считаешь, кто первым инициировал этот разрыв?

– Это был я.

– Ну вот, я так и думал! – воскликнул Миша. – И чего только вам, джентльменам, не хватает! Зачем начинать отношения, если вы сомневаетесь, что хотите прожить с этим человеком до конца своих дней?.. Для вас близкая связь может быть не более чем просто развлечением, а своего партнёра вы можете этим убить! Надеюсь, вы это осознаёте. Вы, возможно, ожидаете, что новая любовь спасёт вас от боли, нанесённой прошлым, но едва ли это вообще осуществимо, а потому вы в итоге разочаровываетесь и уходите. Ни один человек не сможет излечить вас от ран, образованных в результате предыдущих отношений, по одной простой причине: эти раны всегда наносите себе вы сами. И, чаще всего, продолжаете наносить через годы после расставания...

Да, пожалуй, в этот раз он конкретно перегнул палку, и это не могло не возыметь эффекта. Наконец-то, спустя две недели издёвок, Мише удалось задеть тайную струну и вызвать эмоциональную реакцию у Дориана. Впрочем, реакция эта была полностью оправданной. Во-первых, он залез не в своё дело – в личные, болезненные вопросы прошлых ошибок, о которых обычно не желает вспоминать ни один адекватный человек. А во-вторых, он в итоге сунул нос не только в прошлое, но и в настоящее – провёл параллель с текущими нашими отношениями и попытался намекнуть, что «джентльмен с хорошей родословной» подходит к ним без должной степени серьёзности. В общем, можно сказать, он нахамил так открыто, как только сумел.

Дориан ощутимо напрягся, буквально мобилизовался для удара в челюсть, который он в тот момент нанёс бы Мише, будь он чуть хуже воспитан. Но всё же ему удалось сдержаться. Я увидела только, как его челюсти озлобленно сжались, натянулись мышцы на острых скулах, а пальцы правой руки собрались в кулак. Его брови ещё сильнее нахмурились, он задержал дыхание, чтобы не взорваться, и, мысленно досчитав как минимум до десяти, ответил железным голосом, тщательно выбирая фразы:

– Михаил, я ценю ваше внимание к моей личности. Если я решу сделать вас своим лечащим врачом, – эти слова прозвучали с ясно читающейся в них высшей степенью презрения, – я вам обязательно сообщу. Всего доброго.

Он дождался, пока Архангельский захлопнет за собой дверь и удалится на несколько шагов, а потом с резким выдохом всадил сжатый кулак в спинку переднего пассажирского кресла, на котором ещё не так давно сидел горе-психоаналитик. Автомобиль сотрясся от ударной волны, водитель с удивлением повернулся, чтобы посмотреть, что происходит сзади. На пару секунд Дориан задержал руку в напряжении, возможно, он хотел ударить ещё раз, но всё же вскоре медленно расслабил её и опустил вниз. Я увидела, как под чёрной кожей ненадолго возникли заметные вмятины, а потом обивка сиденья приняла первоначальный вид.

– Дориан, что с тобой? – поражённо спросила я, заглянув ему в лицо. Его глаза были закрыты, он глубоко дышал, стараясь успокоиться.

– Всё нормально, милая, – с трудом выдавил он в ответ. – Просто нужно немного развеяться. Виктор, подвезите Аню до дома и помогите ей поднять чемодан в квартиру. А я прогуляюсь пешком.

Проговорив это, он молниеносно выскочил из машины, практически сбежал, чтобы я не успела его удержать словом или жестом, и быстрым шагом направился прочь. Мы с водителем обескуражено переглянулись.

– Ничего, – сказал, оправившись от удивления, Виктор. – Сейчас пройдет, выплеснет стресс, завтра зато будет как огурчик. Не берите в голову, на нём лежит большая нагрузка. Уверен, он даже на отдыхе постоянно занимался своим бизнесом.

– Вы правы, он часто оставался в отеле. Наверное, удалённо работал.

– Ох уж эти банкиры, – улыбнулся шофёр. – Сначала совсем себя не берегут, выматываются, а потом срываются на людях. Ну, а вас, как обычно, на Саянскую?

– Да, пожалуйста.

Весь следующий рабочий день я ждала звонка от Дориана и порядочно извела себя, тревожась за него. В клинике у меня было два пациента, и я едва могла сконцентрироваться на их ситуациях, съедаемая личными переживаниями. Ровно в пять, когда приём, наконец, закончился, я вышла на улицу и сразу позвонила ему сама.

– Дориан, я так за тебя волновалась! – услышав его голос, воскликнула я. – Как ты добрался вчера? Всё хорошо?

– Дошёл к утру, – мрачно ответил он. Настроение у него, судя по всему, до сих пор было неважным. – Зато было много времени, чтобы подумать. Знаешь, Анют, я переосмыслил то, о чём говорил мне Миша, и я с ним согласен. На самом деле он очень хороший специалист и легко видит человека насквозь, только зачем-то притворяется дурачком. Он в два счёта меня раскусил. Я крайне мерзко поступил со своей невестой, и, хотя прошло девять лет, я не уверен, что в итоге не поступлю с тобой так же. Я не хотел бы причинять тебе боль. Как ты смотришь на то, чтобы взять таймаут в отношениях? Мне нужно немного побыть одному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.